

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза советских писателей СССР. Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина, В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова, Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 55 (906) Четверг, 7 ноября 1940 г. Цена 30 коп.

Двадцать третий Октябрь

В летопись Великой Октябрьской социалистической революции год двадцать третий войдет особой, знаменательной главой. Когда, погребая под своими обломками всю мерзость прошлого, рушилось здание старой Российской империи, враги молодой большевистской республики утверждали, что она способна только разрушать. Это было лейтмотивом обвинительного акта социализму, который коллективно составляли заправилы капиталистического мира. В те времена «вершители судеб народов» настойчиво твердили, что сознательной силой владеет лишь капитализм, а большевики захватили власть для того, чтобы разрушить годами накопленные ценности. Эти живые слова были продиктованы звериным страхом. Наиболее дальновидные капиталистические политики прекрасно понимали, что их безраздельному господству приходит конец. И, однако, им долго еще удавалось обманывать массы жушлом разрушения, на которое якобы обречена Советская страна.

Действительно, прежде чем начать стройку, большевикам пришлось основательно расчистить почву, на которой затем было воздвигнуто великодушное здание социалистического общества. Легенда же о социалистических разрушителях и капиталистических создателях продолжала существовать до тех пор, пока перед глазами всех, кто способен был видеть, не предстал ослепительный факт: разрушив до основания старую государственную машину, жестоко борясь с многочисленными внутренними и внешними врагами, принесшими нашей земле и нашему хозяйству неисчислимый вред и уничтожавшими огромные материальные ценности, советская власть занялась энергичной строительной деятельностью. В то же время капиталистический мир после кратковременной стабилизации почувствовал жестокие удары кризиса и торопливо принялся за уничтожение тех самых материальных ценностей, которые он в избытке производил вчера, стал разрушать их, сжигать или выбрасывать в моря и океаны.

Двадцать третий год революции показал, что капиталистический мир, охваченный безумием войны, всецело поглощен разрушением или созданием средств разрушения, между тем как социалистическое государство занято созданием. Так поменялась история над хвастливыми «вершителями» судеб народов!

Важнейшим событием в мире, свидетелем которого мы являемся в год двадцать третий нашей революции, это, конечно, разгоревшаяся вторая империалистическая война. Она охватила почти весь мир, и нет теперь на земном шаре страны, которая могла бы чувствовать себя вне опасности. Большие державы, в течение веков вливающие на мелкие, слабые государства, не знают, где завтра пройдет граница этого влияния. Маленькие вассальные государства не знают, кто будет завтра их новым хозяином. Угроза жестокой голодной зимы нависла над сотнями миллионов людей. С каждым днем растет страшный мортрополь убитых и искалеченных в результате бомбардировок. Десятки городов охвачены огнем пожаров, тысячи гектаров земли зарыты воронками от снарядов, множество заводов, пристаней и доков превращены в щепы. Смерть подкарауливает человека на земле, под землей, в воздухе и на воде. Война длится уже свыше года, а конца ей не видно.

И только Советский Союз, руководимый большевистской партией и гением Сталина, стоит, как неприступная скала, в будущем империалистическом океане. Его влияние растет. Расширяется база коммунизма. В этот двадцать третий год Октябрьской революции в семью народов СССР вернулось Бессарабия, два десятка лет назад отторгнутая от нас румынскими захватчиками. Вместе с Бессарабией в СССР присоединены также территории Буковины, которая была утрачена после ее раздела. Была создана новая союзная Карело-Финская республика. И, наконец, в трех балтийских государствах — Литве, Латвии и Эстонии — народы сбросили плутократический режим своих пролажных правителей, и эти страны вступили в состав Советского Союза.

Капитализму пришлось потесниться перед силой влияния социалистических идей и социалистического государства. Впервые за многие годы народы нескольких капиталистических стран сумели в таком масштабе, открыто продемонстрировать свою приверженность идеям коммунизма, свое стремление войти в семью советских республик. Здесь торжествуют новые формы жизни, полновластная демократия. Передача земель помещикам безземельным крестьянам, иное отношение к труду на фабриках, вчера еще принадлежавших капиталистам, приход рабочих и трудовой интеллигенции, в том числе большой группы прогрессивных писателей к рулю государственного управления, — все это показывает, что народ ощутил свои права, что нельзя убить жажду свободы, жажду творчества и что никакие силы не в состоянии вернуть освобожденных людей к прежнему рабству. Это добился свободы, не отдаст ее никогда!

Это сознание звягло всеми мыслями и советских людей, уже 23 года живущих в условиях свободы. Но счастливая жизнь не приходит сама. Ее нужно завоевать, и она была завоевана в итоге прошедших лет. Мы построили социалистическое общество. Мы осуществили идею принципа, по которому каждый человек получает по труду. Но для того чтобы стало возможным практическое осуществление коммунистического принципа распределения народных богатств — высшего идеала человечества, нужно прежде всего воспитать в членах советского коллектива потребность отдавать государству все, что в способности каждого члена коллектива. «...Нам нужно сначала научиться работать по способностям, научиться беречь общественное добро, а когда мы достаточно наработаем и научимся беречь парабатанное, тогда пустим все по потребности», — говорил недавно на собрании московского партийного актива Михаил Иванович Калинин. Значит, от советского гражданина больше, чем когда бы то ни было, требуется ясное понимание того, что успех нашей борьбы с капитализмом, как отживающей социальной формацией, в конечном счете решает высокая производительность труда. Высокая производительность труда увеличит народные богатства и подымет благосостояние трудящихся, высокая производительность труда сделает нашу страну недоступной для какого бы то ни было иностранного вторжения. Вот эта-то напряженная борьба за высокую производительность труда, за то, чтобы каждый гражданин работал по своим способностям, больше всего характеризует год двадцать третий.

В этом году правительство в интересах народа приняло Указ о борьбе с лодырями и прогульщиками, как преступниками про-

тив государства, в этом году трудящиеся были призваны пойти на жертвы в интересах укрепления обороноспособности СССР, и они с исключительной готовностью поддержали призыв партии и правительства, восстановив восьмичасовой рабочий день. В этом году было положено начало созданию трудовых резервов для нашей промышленности и объявлен призыв (мобилизация) молодежи в ремесленные школы и в школы фабрично-заводского обучения. В этом году рука пролетарского правосудия особенно жестоко карала нарушителей правил социалистического общежития — хулиганов и воров. Все эти мероприятия, преследующие в каждом случае свою конкретную цель, вместе с тем составляют звенья единой цепи. Все это есть проявление организованности народа, его подтянутости, его собранности, его бдительности во всякого рода возможных случайностях.

Ведя карательную политику по отношению к активным посягателям пережитков капитализма, советское государство всецело понимает и возмущает людей, чьи дела идут на пользу коммунизма, на благо человечества. Всего лишь несколько дней тому назад Верховный Совет СССР присвоил звание Героев Социалистического Труда группе инженеров и конструкторов, чей труд вложил славу советского оружия, чье творчество крепит оборонную мощь страны Советов. Тысячи людей в этом году награждены орденами, медалями, почетными званиями за то, что своей деятельностью они возвеличивают труд в СССР.

Таковы две формы той системы воспитания, которое неуклонно осуществляет наше государство. В грандиозном процессе воспитания масс почетное место принадлежит литераторам. В годы самой глухой реакции передовые писатели находили возможным говорить угнетенным людям слова правды, звать к борьбе за лучшую жизнь, критиковать буржуазный строй, воспитывая ненависть к нему в сердцах и умах миллионов. Русская литература, в лице ее лучших представителей — Пушкина, Некрасова, Белинского, Чернышевского, Горького, была литературой свободы. Незаро писателей называли «властителями дум». Советские писатели дорожат славной традицией своих предшественников. Они высоко держат знамя свободы и правды, которое всегда несла литература народов СССР. Не только в России, но и на Украине, в Белоруссии, Грузии, Армении и Азербайджане появились великодушные высокохудожественные произведения, пользующиеся любовью миллионов читателей. Особенность последних лет состоит в том, что и в других республиках наряду с новым прочтением классических произведений народного эпоса писатели создали современную прозу. И, однако, всего этого мало, если учесть требования эпохи, современниками которой мы являемся.

Для укрепления мощи нашей страны нужны штыки и танки, зерно и уголь, лесни, стихи, романы и пьесы. Все судит одному — воспитанию масс, защите родины. Книга, художественное слово вырабатывают в человеке чувство любви к отчизне, чувство привязанности к ней за то, что она дала человеку-гражданину. Книга советского писателя должна учить человека любви к труду, она должна возбуждать в читателе желание сделать больше, чем он делает. Книга писателя может дать правила поведения в широком смысле этого слова, ибо она показывает новую мораль и новую нравственность. Любовь к родине, которую воспитывает писатель в своем читателе, не может быть пассивной, созерцательной. Нет, она должна быть горячей, страстной, безграничной, неукротимой. Книга должна вызывать в человеке активное желание трудиться, увеличивать общественные блага, а если потребуются, то и умерять их, если они будут чрезмерно велики. Ведь человек должен развивать патриотизм в советском человеке!

Много для этого тем. Много приемов, много изобразительных средств, много красок в руках писателя. Но лучшая из тем — это советский человек, борющийся, преодолевающий препятствия и побеждающий.

Подлинный литератор должен обладать талантом воплощать в художественных образах виденную жизнь. Но прежде всего эту жизнь надо видеть. Правдивый, объективный писатель не может пройти мимо тех грандиозных перемен, которые произошли в стране за двадцать три года. Мы не фаталисты, мы знаем, что эти перемены сделаны человеческой рукой, человеческим умом. Они сделаны по программе, начертанной партией, и сделаны людьми. «Реальность нашей программы, — говорил товарищ Сталин, — это живые люди, это мы с вами...» И перед советским писателем стоит величайшая задача правдиво и объективно показать этих людей нашего времени.

До революции передовая русская литература выступала с беспощадной критикой буржуазного строя. В этом было ее прогрессивное значение. Сейчас иное время. Социалистический строй — это то, к чему стремился и чего добился народ. Советская литература каждой своей строкой должна утверждать этот строй, его людей, его строителей. Но «замурлышки» и ничтожные люди с мелкими страстями находятся на виду у миллионов советских граждан. Наша родина — это люди стальной воли, четкой цели, ясного разума. И если мы хотим показать жизнь, как она есть, — именно такие люди должны стать в первую очередь героями наших книг.

Сознание, что труд писателя так же нужен стране, как всякий другой труд, сознание, что впервые в истории литератор говорит с народом открыто, с глазу на глаз, не может не сказаться на силе воображения жизни.

Советская литература никогда не знала более ответственных задач, чем в этот важнейший период жизни социалистической страны. Преодолевая свои ошибки, вилотную полойдя к жизни и учаю у нее, советская литература покажет, каких вершин в состоянии достигнуть искусство раскрепощенного народа.

Нашей стране предстоит еще гигантская борьба и великие свершения. И на этом пути писатели будут шагать в ногу со всей многомиллионной армией борцов за коммунизм. В их книгах будущие поколения прочтут историю самой справедливой борьбы, которая велась когда-либо на свете. Из их книг они узнают, как впервые был возмечен труд и люди труда. Со страниц романов, повестей и пьес встанут образы Ленина и Сталина — генеральных руководителей гигантской исторической борьбы за коммунизм; будет показана эпоха войн и пролетарских революций, возникнет народ, который, не боясь трудностей, первый поднял великое, непобедимое, гордо решимое знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и водрузил его над освобожденным человечеством.

быстро откликаться на события, опыт народного творчества — все это обогатило поэзию акынов замечательными свойствами. В ней высоко развито чувство нового, она целеустремленна, многообразна и мудра. Многие акыны начинают записывать свои песни, а также слезать поэмы.

Наряду с поэзией крепнет казахская проза и драматургия. Такие произведения, как «Загадочное звание» Сабита Муханова, «Жизнь и смерть» Габилана Мустафина, «Абай» М. Ауэзова, «Шаульдер» А. Токмагамбетова, рассказы Мусрепова, Абиева, Тажибаева и других — свидетельствуют об овладении казахскими писателями различными жанрами литературы.

Развитие казахской литературы вызвано к жизни новые для Казахстана отрасли науки: литературоведение и критику. Двадцать лет жизни освобожденного Казахстана — это двадцать лет непрерывного культурного роста страны.

Лозунги ЦК ВКП(б) К XXIII ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Да здравствует XXIII годовщина Великой Октябрьской социалистической революции в СССР!
2. Братям по классу, узникам капитала, борцам за освобождение рабочего класса во всем мире — наш братский привет!
3. Укрепим интернациональные связи рабочего класса СССР с рабочим классом капиталистических стран! Выше знамя международной пролетарской солидарности!
4. Да здравствует внешняя политика Советского правительства, политика мира между народами и обеспечения безопасности нашей родины!
5. Да здравствует наша родная Красная Армия — могучий оплот мирного труда народов СССР, верный страж завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции!
6. Трудящиеся Советского Союза! Не забывайте о капиталистическом окружении! Будем неуклонно укреплять нашу Красную Армию и нашу социалистическую разведку — ВЧК!
7. Да здравствует Военно-Морской флот Советского Союза — надежная охрана советских морских границ!
8. Да здравствует могучая советская авиация! Да здравствуют советские летчики — гордые соколы нашей родины!
9. Привет мужественным и бесстрашным бойцам — партизанами, зорким часовым страны социализма!
10. Привет трудящимся Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии, Северной Буковины, страющим свою свободную жизнь в великой братской семье народов Советского Союза!
11. Да здравствует Союзная Молдавская Советская Социалистическая Республика!
12. Да здравствует Союзная Литовская Советская Социалистическая Республика!
13. Да здравствует Союзная Латвийская Советская Социалистическая Республика!
14. Да здравствует Союзная Эстонская Советская Социалистическая Республика!
15. Да здравствуют братский союз и дружба народов Советского Союза!
16. Стахановцам промышленности, транспорта, торговли и сельского хозяйства, знатным людям нашей страны — большевистский привет!
17. Рабочие и работницы, инженеры и техники черной и цветной металлургии! Боритесь за увеличение производства металла, за его качество!
18. Рабочие и работницы, инженеры и техники машиностроительной промышленности! Боритесь за развитие самого передового в мире машиностроения!
19. Рабочие и работницы, инженеры и техники оборонной промышленности! Крепите оборонную мощь нашей родины! Вооружайте Красную Армию и Военно-Морской флот новейшей техникой!
20. Рабочие и работницы, инженеры и техники топливной и энергетической промышленности! Большевистскими темпами двигайте вперед добычу топлива и производство электроэнергии! Укрепляйте топливную и энергетическую базу СССР!
21. Работники химической промышленности! Боритесь за создание мощной химической промышленности нашей страны!
22. Товарищи строители! Боритесь за ускорение сроков строительства, за улучшение и высокое качество строки!
23. Рабочие и работницы, инженеры и техники легкой и текстильной промышленности! Больше ситца, шелка, сукна, трикотажа, обуви, одежды для граждан Советской страны! Боритесь за высокое качество продукции!
24. Создадим мощные государственные трудовые резервы для промышленности и транспорта!
25. Колхозная и городская молодежь! Идите в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища! Готовьтесь стать квалифицированными работниками нашей родины!
26. Борьба с прогульщиками и дезорганизаторами производства есть борьба за укрепление мощи нашей родины и ее Красной Армии. Да здравствует трудовая дисциплина и образцовый порядок на предприятиях нашей родины!
27. Колхозники и колхозницы! Боритесь за высокие урожаи и подъем общественного животноводства! Укрепляйте общественное хозяйство колхозов! Да здравствует замкнутая и культурная жизнь колхозов!
28. Служащие советских учреждений! Боритесь за укрепление государственной дисциплины, за точное выполнение советских законов!
29. Работники государственной и кооперативной торговли! Боритесь за лучшее обслуживание советского потребителя, за культурную советскую торговлю в городе и деревне!
30. За дальнейший расцвет социалистической культуры народов СССР, за новые успехи и завоевания советской науки, техники, искусства!
31. Да здравствует равноправная женщина Советского Союза — активная участница в управлении государством, хозяйственными и культурными делами нашей страны!
32. Воспитание всей массы членов профсоюзов в духе ленинизма — почетный долг советских профсоюзных организаций! Да здравствуют советские профсоюзы — школа коммунизма!
33. Развернем критику наших недостатков! Укрепим еще больше мощь и организованность нашего государства!
34. Да здравствует номсомол — верный помощник большевистской партии! Да здравствует советская молодежь — будущность нашей родины!
35. Учащиеся советских школы! Овладевайте наукой, готовьтесь стать борцами за дело Ленина—Сталина!
36. Да здравствует и крепнет наша могучая родина — Союз Советских Социалистических Республик!
37. Да здравствует наш рабочий класс!
38. Да здравствует наше колхозное крестьянство!
39. Да здравствует наша, советская, интеллигенция!
40. Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков — передовой отряд трудящихся Советского Союза!
41. Да здравствует Коммунистический Интернационал — организатор борьбы за победу трудящихся!
42. Да здравствует великое непобедимое знамя Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина! Да здравствует ленинизм!

Вечер казахской литературы

Это был своеобразный отчет казахских писателей в связи с 20-летием социалистического Казахстана. В этот вечер в Московском клубе писателей прозвучали на русском языке прекрасные строки безмятежных эпических поэм. С ними перекликались мужественные песни народного поэта XIX века Махамбета, стихи родоначальника современной казахской поэзии Абая Кунанбаева, песни и поэмы Джамбула.

Поэзия С. Муканова, жизнеподостные стихи К. Абдулдырова, поэмы А. Тажибаева, стихи Т. Жарокова, песни Аскара Токмагамбетова и творчество других современных казахских поэтов и акынов докоряли своей свежестью и образностью. Чаяния народа, воспетые безвестными акынами, подвиги, к которым призывали народные поэты, свобода, за которую боролись на протяжении столетий лучшие сыны Казахстана, — все это воплотилось в жизнь и прозвучало в стихах и песнях современных поэтов.

Писатель Мухтар Ауэзов, автор подлинного уже известность исторического романа «Абай», знаток фольклора и истории восточной литературы, прочел содержательный доклад о литературе Казахстана.

Говоря о двух направлениях, по которым идет развитие казахской советской литературы, — устного творчества и письменной профессиональной литературы, — М. Ауэзов отмечает их постоянное плодотворное взаимодействие. Величайшие представители этих двух направлений — Абай и Джамбул — являются отцами и учителями современной казахской поэзии. Еще до возникновения письменной литературы появился ряд поэтов, чьи имена стали популярными в народе. Песни и стихи этих поэтов дошли до нас в устной передаче акынов и жырши. Это — революционная поэзия Махамбета и Шернияза, поэзия скорби Шортанбая и Мурат-акына.

Боле двухсот акынов, певцов-импровизаторов, славают песни о Советском Казахстане. Традиционное участие в айтысах (поэтических состязаниях), где для победы нужно кроме песенного дара иметь запас больших знаний, способность

Национальная форма и фольклор

Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа.

Н. Гоголь.

1.

Мы стремимся создать искусство, национальное по форме и социальное по содержанию. Почему же так редко при анализе того или иного литературного произведения используем мы, как критерий, обе части этой формулировки, оперируя лишь второй ее половиной? Толку от удаче или неудаче автора в его стремлении отразить советскую социалистическую действительность, мы почти никогда не говорим о том, насколько полно национальная форма, иными словами — насколько созвучны восприятию и пониманию народа (т. е. насколько отражает национальный характер народа) центральные образы произведения, а также его стиль и композиционный строй.

Между тем, обе части формулировки находятся в неразрывной взаимосвязи и забывать об их взаимосвязи — это значит не понять и всех особенностей развития советской литературы.

До сих пор не существует сколько-нибудь обстоятельной работы о признаках и элементах национальной поэтической формы. По-настоящему даже еще и не поставлен вопрос: какие же именно элементы национальной поэтики имеем мы в виду прежде всего, когда говорим, что социалистическое искусство создается как национальное в своем выражении.

Существует ли вообще не высказанное, но тем не менее широко распространенное мнение о какой-то якобы особой сложности и запутанности этого вопроса. Не редкость услышать такое высказывание: «Я могу сказать, понравился мне или не понравился роман Квачели «Гвади Бигва» или «Загадочное знамя» Сабита Муханова. Но я не берусь судить, насколько форма этих романов национальна. Как могу я судить о национальности формы грузинского или казахского произведения, не будучи казахом или грузином. Я не знаю даже их языка. А и знала бы, — кто мне объяснит, что такое национальная форма?»

Формалистические волнения вокруг давно проясненных вопросов о взаимосвязи и взаимозависимости формы и содержания, оказывается, еще дается. Их можно обнаружить именно на этом игнорировании серьезных разговоров о национальности формы. Между тем, развитие советской литературы достигло такого этапа, когда критикам и литературоведам открыты лишь два пути: либо всецело ваяться разработкой вопросов национальной формы, либо превратиться в простых

регистраторов литературных явлений. Ни одна мало-мальски серьезная критическая статья невозможна ныне без углубленного анализа того, насколько приемы национальной поэтики, использованные автором, помогают выразить социалистическое содержание.

Понятно, что основная масса советских критиков избирает первый путь. И тут обнаружилось, что пресловутые трудности определения элементов национальной поэтики чрезмерно преувеличены, даже если приходится разбирать произведение, написанное на языке, критике незнакомом.

Определять признаки национальной формы не приходится, оставаясь, так сказать, один на один с разбираемым произведением. Критику, вооруженному марксистскими трудами по национальному вопросу и в первую очередь гениальной сталинской работой «Марксизм и национальный вопрос», помогут в определении элементов национальной поэтики многочисленные высказывания наших классиков о народности и национальности и помимо того во многом поможет фольклористика, эта родная сестра литературоведения. Правда, фольклор и литературоведение долгое время находились в состоянии некоей противоестественной разобщенности, однако этой разобщенности теперь пришел конец, и культурное наследие каждого народа стало предметом изучения вне зависимости от того, существовало ли оно устно или же в письменном виде.

2.

В фольклоре в большей мере находили и находят свое выражение чаяния и думы народа. Созданием могучего образа Давида Сасунского ответил армянский народ на стремление захватчиков подчинить себе Армению. Коротким, как жук, аскаром про неунывающего Кеминя боролся туркменский дайхан с баями, муллами и шанами. Загаданный в песне, обреченный на вымирание и нищету, но упорный в своей жизнестойкости каракалпакский народ воскресил образ удачливого военачальника Блгу, чтобы сказать его героем богатейшей поэмы, в которой не только народ празднует победу на больших путях истории, но и сама природа Кара-Калпаки преобразена и напоминает цветущий сад.

Фольклорные образы могут считаться как бы конденсаторами характернейших национальных черт народа.

Толковать о национальности формы художественного произведения, упуская из виду поэтические создания самого народа, невозможно. Фольклор — это энциклопедия важнейших элементов и видов национальной поэтики. По фольклору

проверяли свою работу и Пушкин, и Гоголь, и Толстой, и Горький. Советскому литератору, а следовательно и критику, предстоит делать то же.

Однако здесь нас и поджидает первая трудность.

Поэтика фольклора, в частности классификация фольклорных образов (а образ — основа основ поэтической формы), до сих пор по-настоящему не разработана. Между тем, через углубленный сравнительный анализ поэтики фольклорных произведений и форм советской литературы только и найдем мы к определению черт национальной поэтики, призванных выразить социалистическое содержание.

Критический обстоятельный анализ, скажем, грузинских народных сказок помог бы нам установить близкое родство центрального образа романа Квачели «Гвади Бигва» с целым рядом излюбленных фольклорных персонажей, созданных грузинского народного творчества. Именно это-то родство и обусловило в большой мере удачу Квачели. Социалистические тенденции содержания романа «Гвади Бигва» потому и получили возможность яркого выражения, что образ главного героя (основной образ романа) национален. В известной мере он даже подсказан писателю поэтикой фольклора.

То же можно сказать и о «Загадочном знамени» Сабита Муханова. Образ Аскара, главного действующего лица этого большого исторического произведения, имел своих предшественников во многих поэмах народного эпоса. Свойственные Аскару черты прямолинейности, настойчивости, готовности идти на любые жертвы ради достижения поставленных им перед собой целей, черты непоколебимости, находчивости и большой душевной чистоты в соединении с умением применяться к любой обстановке характеризовали и легендарного Исатая и Махамбета и иных казахских героев, ставших образами эпических поэм. Улача Муханова в том, что он сумел ископировать национальный образ сделать центральным образом реалистического повествования, давнув его в обстановку исторической действительности.

Нам могут сказать: «да что же характерно-казахского в образе Аскара, если он таков, как вы его сейчас обрисовали? Теми же чертами отмечены и многие образы фольклора других народов. Аскар не элемент исключительно казахской национальной поэтики, а элемент фольклора вообще». Мы ответим на это так: а разве национальное противостоит общечеловеческому? Именно подлинно национальное и помогает обнаруживать подлинно общечеловеческое. Национальность — не в описании сарафана, но в подлинном духе народа. Мы бы не были интернационалистами, если бы национальное не рассматривали лишь как форму проявления общечеловеческого. Реалистический показ казахской действительности, в условиях которой пришлось действовать Аскару, и сообщает его образу (столь же национальному, сколько и общечеловеческому) черты национальности.

Заметим тут же, что механическое перенесение в казахский роман некоторых элементов поэтики западноевропейского романа (использование дневников и писем главного героя, как вставных глав, и т. п.) до известной степени снижает художественные достоинства романа Муханова. Казахская историческая действительность не создавала достаточных предпосылок для возникновения в казахской литературе эпистолярного жанра. Однако, поскольку национален центральный образ «Загадочного знамени», мы, не боясь ошибиться, можем признать роман Муханова большой победой автора.

Образы художественного произведения являются основными составными элементами его формы. На них-то и должно быть обращено главное наше внимание.

Удача или неудача в выборе образов основных героев, соответствие или несоответствие их фольклорным образам, от-

ражающим основные черты национально-го характера, и определяют, как правило, основную удачу или неудачу автора. Если выбор не удален, если герой не типичен, не национально характерен, то даже успешное разрешение писателем других формальных задач (выбор типического и емкого сюжета, богатый народный язык и т. д.) не спасет произведение, будь оно по сюжетной тенденции и социальным.

В газетной статье мы лишены возможности дать анализ всех элементов национальной формы. Наша задача — обратить внимание критики на те пути, какими неминуемо придется идти каждому, едва он задумается об особенностях национальной поэтики.

Мы не будем останавливаться на таких элементах ее, как стиль, композиция, жанр. Несомненно, что изучение фольклора и здесь даст критику руководящую нить в его работе. Мы лишены также возможности сказать и о взаимосвязи фольклора и национальной классики. А ведь поэтика классики, хотя и возникшая на основе фольклора, по значительности отлична от него, сама в свою очередь стала составной частью национальной поэтики. Этот вопрос должен быть рассмотрен в отдельной статье.

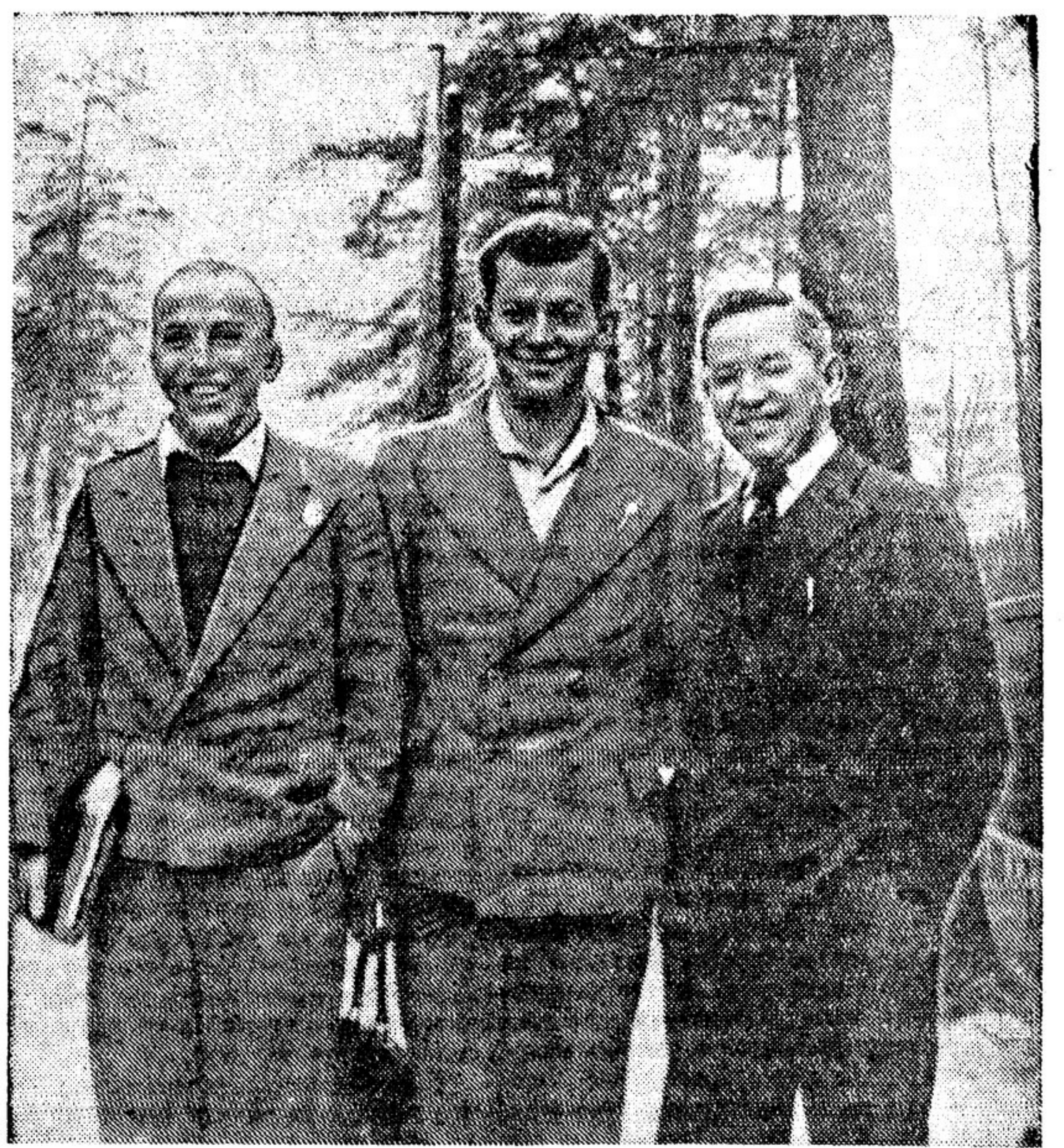
Нам важно подчеркнуть наличие совершенно четких ориентиров при рассмотрении вопросов национальной поэтики. Пользование этими ориентирами доступно каждому, хотя и требует от критика обязательного овладения богатствами национальной поэтики и классики.

Важно отметить также, что не всякий элемент национально-фольклорной поэтики может и должен использоваться советским писателем для выражения социалистического содержания. Фольклор многообразен и разнороден, и так же разнородна и многообразна его поэтика. Фольклор был выразителем прогрессивных чаяний народа, но возникал часто в условиях социальной и общественной отсталости народа, он порой использовался реакционными кругами общества для определенных целей — держать народ в покорности и темноте. Все это не могло не отразиться на поэтике фольклора. И естественно, что те черты этой поэтики, какие отражали реакционные тенденции, ни при каких обстоятельствах не могут быть теми элементами национальной поэтики, которые помогают советскому писателю полнее выразить социалистическое содержание произведения.

К таким отмершим элементам фольклорной поэтики мы отнесем все архаические и пиндические черты многих фольклорных образов. Бетати, засоренность великолепного образа Кеминя чертами чрезмерной архаики проводилась сознательно хивинскими и бухарскими муллами, обеспокоенными успехом и распространением общечеловеческих, социально насыщенных рассказов про Кеминя. В бочку меда фольклорных произведений о Кеминя сознательно была влита изрядная доза дегтя.

К отмершим и не нуждающимся в культивировании формам национальной поэтики казахского, киргизского и некоторых иных народов должны быть отнесены обычные в их фольклоре «общие места», чрезмерно длинные и частые повторы, композиционная рыхлость. Советский киргизский писатель, который попытается бы оправдать чрезмерную растянутость своего произведения ссылкой на «Манас», утверждая, что растянутость его романа подсказана особенностями национальной поэтики, был бы, конечно, глубоко не прав, хотя «Манас» и является наиболее ярким произведением национального гения киргизов и действительно насчитывает несколько сот тысяч строк.

Создание советской национальной формы должно проходить при непрестанном впитывании в нашу поэтику всех прогрессивных элементов фольклорной поэтики и в то же время в непрестанной борьбе с косностью фольклора. Только соблюдение этих условий и поможет нам социалистическое содержание выразить в соответствующих образах, близких и понятных каждому советскому народу.

Студенты Историко-философского литературного института (ИФЛИ). Слева направо: В. Е. Номм, студент 4-го курса Литературного факультета, получивший стипендию им. Маяковского; З. С. Панерный, студент 5-го курса Литературного факультета, сталинский стипендиат; А. П. Корнешкин, студент 5-го курса Литературного факультета, сталинский стипендиат. Фото В. Лягина

НОВЫЕ СТИХИ

А. МАЛЫШКО

Степан ШИПАЧЕВ

ДЕДЫ

Серьезны и сдобороды сидят, а закат не уходит,
Уста их замкнуты думой, на лицах бронзы налет.
Опять их война тревожит: о чем говорят в народе?
Беседует с ними явор. Сад молодой цветет.
Клятву давали в пятом: кровь мы прольем! И сами
Порох приготавлили, падали в гром баррикад.
Громилы валы Турецкие, мерли под Сивашами,
Беседует с ними явор. Пышет роскошный сад.
Плывет на лодочке вечер, кругом соловьиные свисты.
Дедм берутся за трубки, все тише их важный круг:
Видят — несет, как нахлук, в своих гавзах золотистых
Их лучезарную юность двенадцатилетний внук.

Перевод с украинского
Нин. Ушакова.

Кузница в Нагуевичах

Все знали старого отца —
Молотобойца-кузнеца.
Сильнее не было рук...
Старик ковал топор и плуг.

Прошли года. На кузне свет,
Хоть старика уже больше нет,
Сын кузнеца не спит в ночи,
Он из плугов кует мечи.

Перевод с украинского
Нин. Ушакова.

Нагуевичи — родина И. Франко.

БАШЕННЫЙ КРАН

В квадратах окон, в крестовинах
на стройке дома не видать рабочих,
и, кажется, ломая спину, кран
один работает с утра до ночи.
Он, разгибаясь, вертит на весу
в четыре тонны каменные блоки,
не думая — «а вдруг не донесу?»
От тяжести похрустывают локти.
За ним механик издала следит,
его тяжелую работу хвалит.
В кабине башни девушка сидит,
спокойно руку держит на штурвале.
Вся худенькая, тонкий голосок,
играет солнце в желтые гребенки,
но кран — как ни силен, как ни высок —
ее он слушается, как ребенка.

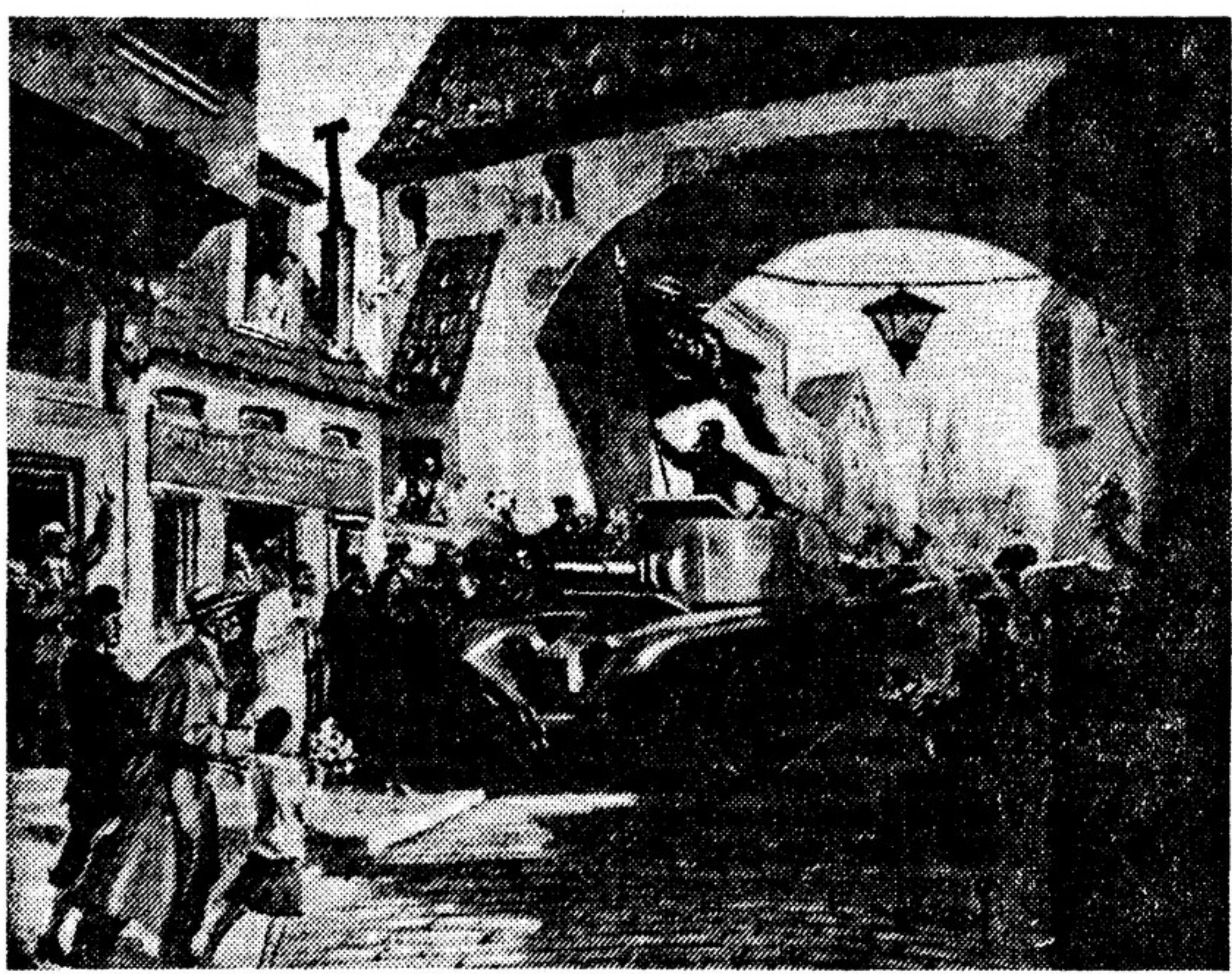
М. РАХИМИ

Красный тюльпан

Красавица! Пора пришла, взгляни!
Где хищный шей? Где джец мулла?
Взгляни!

Столетия скрипала лунный лик
Покровом слез, дышащем злос... Взгляни,
Немало смежных отдавало липень.
Чтоб ты тюльпаном расцвела. Взгляни,
Разорвана ветрами Октября
Твоей чадры густая мгла — взгляни!
Твой взор, как птица, покидает плеч,
Твой взор острее, чем стрела, взгляни.
Ты красотой озарила жизнь,
Печаль истлела, как зола. Взгляни,
Сбрось паранджу, тюльпан таджикских
гор!

Перевод с таджикского
Нины Познанской.

Л. П. Соколов-Скалд. — «Вступление Красной Армии в г. Гродно»
Фото В. Лягина.

Л. ТООМ

Выигранное сражение

О сценарии «Чкалов»

Нелегко анализировать выигранное сражение: им просто восторгаться, его переживать все снова и снова.

Познакомившись со сценарием гг. Байдукова, Тарасова и Чиркова «Чкалов» («Искусство кино», № 7—8), который является одним из выигранных сражений нашего искусства, трудно удержаться от искушения изложить, пересказать целиком это произведение, покоряющее избытком заключенной в нем жизни, живых человеческих страстей.

Но обязанность критика — анализировать как неудачи, так и удачи нашей литературы. Второе, быть может, даже важнее, поскольку такой анализ может облегчить путь к дальнейшим победам.

В чем сущность художественной победы авторов сценария? Она заключается в том, что, работая над созданием биографического фильма, стремясь дать верный портрет выдающегося летчика, они вместе с тем сумели открыть и подчеркнуть в нем типическое, дать обобщенный образ советского человека в расцвете сил и таланта, одержимого одной из самых благородных и вместе с тем расправленных в нашей стране страстей — творческой страстью.

Вот он в самолете над аэродромом в дель военно-воздушного парада. После одержанной им победы в воздушном «бою» с истребителем американского типа самолет Чкалова плавно идет на посадку. Вдруг несчастье... застряло колесо шасси. Летчику и его скоростной машине грозит неминуемая гибель. Но летчик вот — Валерий Чкалов. И тут энергия, талант, воля к победе, мастерство летчика развертываются с такой силой, что у зрителя захватывает дух.

Мастерство, великолепное овладение техникой, страстное увлечение своим делом, неутомимое стремление к совершенству.

к тому, чтобы летать еще дальше, еще выше, чтобы в бою «обрить самые низкорослые травы», — все эти качества великого летчика выразительно воссозданы в сценарии Байдукова, Тарасова и Чиркова.

Художественная их победа в том, что, создав типический образ, они изобразили не сумму отдельных военно-летных качеств, не образчик добродетели, а конкретный живой характер, может быть не безупречный с точки зрения этого воображаемого идеала, но зато живой, своеобразный, человеческий, порой страшный в своей почти стихийной силе, порой трогательный в своей слабости, незащищенности.

Чкалов — человек, у которого, по образному выражению Ольги Эрмольны, «сразу режутся все зубы. Он бурно рабует. Не расти — для него значит погибнуть. Это — человек, рвущийся в будущее, так что «брюки трещат в шагу».

В одержимости Чкалова, его могучем таланте — зерно трагизма, зерно серьезных конфликтов с косностью, инертностью, медлительностью окружающей среды. Подобные конфликты неизбежны в работе почти каждого открывателя новых путей, каждого выдающегося изобретателя, станковода. Знаком Чкалова с конструктором Мухиним, командир Алешин говорит:

«— Знакомьтесь... Чкалов — лучший из летчиков, которого отсюда выгнали... Мухин — блестящий конструктор, машины которого брыкаются и упорно разбиваются, как неукротимые жеребцы».

Оба эти человека, столь разные, сменяемые одной и той же страстью к творчеству, оба они — люди, которых мучает, которым не дает спокойно жить их талант, которые сами не дают другим людям жить спокойно и которые знают, что двигать вперед авиацию, науку — значит экспериментировать, а экспериментировать нередко значит рисковать положением,

хобрым именем, счастьем и покоем семьи, собственной жизнью.

«Довольно Вам спириту и патки!» — воскликнул недавно один из крупных наших художников, вставая против слащавости в изображении героев. «Путь героя — не один розы и улыбки».

Жизнь открывателя новых путей не всегда легка, даже у нас, где труд и творчество являются делом чести. Но что было бы с натурой, подобной чкаловской, если бы ей пришлось развиваться и действовать в старой, окуроченной России?

Когда мы представим себе эту страшную возможность, мы пойдем принципиальную новизну советского искусства, раскрывающуюся в сценарии «Чкалов»: появление такого произведения было бы невозможно, немислимо в литературе доктябрьской.

При всем разнообразии содержания и форм русской классической литературы, начиная от Пушкина, кончая Чеховым и Горьким, — общим для нее было то, что она не уставала на разные лады изображать подавление, искажение, уродование творческой природы человека условиями подлинного строя, среды, воспитания, всей окружающей жизни. И в этом ее заслуга: ведь такова была реальная действительность.

Наоборот: разве вселучшее, что создано советской литературой, все то, что останется, не является изображением освобождения, расцвета творческих сил народа?

«Чкалов» — сценарий о раскованных творческих силах человека в социалистическом обществе, о гордом мастерстве, о победе человека над природой.

Можно удивляться тому, как мало да до мировой литературы произведений на эту тему в наш век гигантского развития техники.

Уже указанного было бы достаточно, чтобы причислить сценарий «Чкалов» к произведениям, разрабатывающим новые темы, двигающим вперед литературу. Однако не в изображении только технической творческой, технической страсти кроется подлинная глубочайшая новизна сценария. Она раскрывается в сценах встречи Чкалова со Сталиным.

Остановимся на сцене в Кремле, где, накануне полета Москва—США через

Северный полюс, происходит разговор Сталина со Чкаловым, разговор, молчаливое участие в котором принимает летчик за окнами ночная Москва, вся большая страна.

Сталин, который на аэродроме убеждал Чкалова, что жить надо долго, как бы противореча себе, говорит: «Разве жизнь измерится годами?... Можно совершить один такой полет, который останется жить триста лет, он один будет стоить трехсот лет жизни...»

Он спрашивает Чкалова, готов ли тот к такому полету. И Чкалов отвечает, не задумываясь, уверенный в своем опыте, знаниях, мастерстве:

«Мы готовы к полету, товарищ Сталин, мы все продумаем, все предусмотрим... Поверьте мне, как летчику: здесь нет никакого риска».

Как летчик... Но Сталин испытывает Чкалова не только как летчика.

«Летчик и заводчик, которые создали вашу машину и подготовили ее к полету... Вся планета техника, авиация, наука...»

Жизнь и работа вот этих людей за эти дни бесчисленными оптиями...

И не только они... Кровь, пролитая в долгой борьбе, годы страданий и труда всего нашего народа сделали возможным такой полет...»

И не только Чкалову, а как бы взвешивая всю тяжесть решения:

«Вот что должны мы доверить вам провести перед всем миром в этом полете...»

Противоречия нет: такой полет стоит трехсот лет жизни и даже больше. Но ответственность так велика, что она кажется непомерной, непосильной. И Чкалов, ощутив голову, говорит тихо:

«К полету перелету мы не готовы».

Почему же почувствовал себя таким маленьким, таким робким этот богатырь? Что неулагало его отчаянный храбрый, не боящийся самой смерти? Чкалов устал, потому что, в словах волея осаждаем, всемо почувствовал жизнь, труд, кровь, борьбу всех тех людей, которых он должен будет представлять в своем полете, достижения которых он должен будет показать всему миру. В робости Чкалова проявляется не слабость его, а сила, так как робость эта происходит от глубокого чувства ответственности, от ясного понимания величия задачи.

Так это и расценивает Сталин. Он понимает, что мысль его дошла, что она понята до конца, что вызванное им в летчике огромное чувство ответственности перед народом еще больше разбудит, еще больше мобилизует его душевные силы. Он весело, решительно дает разрешение на полет.

Идея живой, кровной связи творческой личности с народом, ответственности ее перед народом, — в этом, по моему мнению, и заключается самая сущность принципиальной новизны сценария, а вместе с ним и советского, социалистического искусства вообще. Эта связь, эта ответственность, — один из всех, все за одного, — во много раз увеличивающая силы мастера, возводит простое техническое, формальное мастерство в высший класс социалистического мастерства.

Это вполне применимо и к литературному, художественному творчеству. Зоркое стремление к совершенству формы, к отличному владению словом, приемами мастерства превращает в пустой техник, пустой формализм, если не будет проникнуто этим опущением кровной связи с народом ответственности перед ним. Не мастерства, как такового, не отшлифованных безделок, не «попусов» и вариаций на безразличную, далекую от действительной жизни тему ждет народ от своих писателей, — он ждет от них отличных произведений, которые пронесли бы перед всем миром величие его борьбы, труда и творчества.

Во-первых, потому, что они отлично знают изображаемую ими жизнь, во-вторых, в этой жизни умеют видеть главное, решающее. А главным, решающим является именно творческая деятельность тех людей, которые, ломая косность, увлекая за собой остальных, двигают вперед жизнь, перестраивая ее. Таких людей у нас много, их становится все больше, и это — основная реальность нашего времени, потому что в руках таких людей — будущее. Видеть расцвет творческих сил этих людей, представляющих со-

бой самую соль, лучшую часть народа, — обязанность советской литературы.

Я думаю, что рождается, уже родился новый роман, новая драма, новый фильм, где ядром художественной ткани, силой, двигающей действие, является дело человека, его борьба, его творчество. Надо ли говорить, что это вовсе не значит, будто героям таких произведений чужды человеческие чувства, будто они холопы, как скала.

Несколько странная, даже гротескная сцена, в которой Чкалов, безгранично ставший после первой своей беседы со Сталиным, осознает, что мало любя и внимания уделяя жене, детям, и пытается исправиться это сразу, в один день, — в сущности глубоко трогательная. Чкалову необходимы любовь и всероссийская нежность Ольги Эрмольны, но сам он и впрямь будет для нее источником ослепляющего счастья. Иначе он и не может: основная сущность его жизни, нафос ее — в творчестве, в бесполойном устремлении вперед, к будущему.

Если фильм «Чкалов» будет не ниже сценария, то он целиком захватит в плен зрителя. И будет в нем моменты высшего воздействия искусства, когда оно, словно каленым острием, коснется души зрителя, навсегда оставив в ней след. Одним из таких моментов, на мой взгляд, является сцена в Кремле, другим — сцена полета в Америку через полюс.

Летящая пустыня и над ней над диким бездальем маленький «олинок» самолет. В самолете три, затихшие от неподатности кислорода, человека, упорно стремящиеся к своей цели. А кругом пух — хаос разноязычных звуков, каленный скрипок, борющихся человеческих голосов: «Мы гордимся и крепко верим... Волжская песня... горный казахский говор, тихий женский голос: «...девочка давно спит... И мы совсем не беспокоимся...»

Это голоса родины, голоса человечества, чью славу пронесли на своих крыльях самолет. Они провозжат, догоняют, окружают, несут самолет через холод и смерть пустыни. Найдется ли в зрительном зале человек, который в эти минуты не испытает того восторга, который преобразует человека, растит его? Величие нашей жизни, наших дел, нашего времени остро коснется его души.

Проф. М. КОНЧАЛОВСКИЙ

Проф. М. БОГОЛЕПОВ

Мне 65 лет, возраст, когда люди на-
чиная в Европе обычно уже начинают свер-
тывать свою деятельность, подводить ей
итоги. Но мне нельзя и думать о каком-
то конце. Советский ученый ежедневно
встречается с молодыми деятелями той
области науки, которой он отдает все
свои помыслы, свои жизненные силы.

«Преморбидных» (предшествующих откры-
той форме заболевания) процессов челове-
ческого организма и составляет тему на-
учного совещания в нашем факультете
как раз сегодня, когда мысли о несча-
стиях, обрушившихся на французских
ученых, заново взволновали меня.

Выше, говоря о нашей науке, я упо-
триблял слово «ремесло» потому, что для
технического обозначения практического
занятия человека нет более точного тер-
мина. Жизнь и творческий труд совет-
ского ученого не содержат в себе ничего
ограниченного, ремесленного, такого, что
отвораило бы его от созидательных ин-
тересов всего народа, от того, что происхо-
дит во всех смежных и отдаленных обла-
стях духовной и материальной жизни
страны. Литература и искусство для нас,
помимо всего прочего, имеют огромное
подобное познавательное значение. Они
помогают нам глубоко изучить сущность
и движущие пружины человеческого по-
ведения. Поэтому каждая наша встреча с
вдохновенным писателем, — все равно, чи-
таем ли мы его книгу или видим в теат-
ре его пьесу, — нас обогащает духовно,
раскрывает новые горизонты перед нашим
внутренним зрением, дает новое направ-
ление нашим мыслям.

Самым ярким переживанием в области
искусства в нынешнем году была для меня
встреча с драматургом А. П. Чеховым,
пьесу которого «Три сестры» я смотрел
на сцене Художественного театра. Впервые
я видел эту постановку около сорока лет
тому назад, еще при жизни писателя. И
странное дело, тогда, когда сюжет пьесы,
подробности жизни семьи
нам гораздо ближе по
времени и по месту, —
меня эта пьеса, вопреки
мастерской игре ак-
теров-художников, мало
волновала. Тоскливый
призыв трех молодых
русских женщин: «В
Москву, в Москву, в
Москву!» не трогал
меня, не захватывал. Сей-
час, когда сюжет пьесы
служит только иллю-
страцией к истории
русского общества дале-
кого, дореволюционного
прошлого, когда с на-
шим бытом он уже не
имеет ничего общего, —
я буквально был потря-
сен тем, что увидел
и пережил в театре.
Томление духа россий-
ских интеллигентов,
мечтавших о возвышен-
ном плодотворном чело-
веческом труде, стре-
мившихся к жизни
осмысленной и челове-
ческой, — я почувство-
вал во всей его страст-
ности, а по тому време-
ни, и обреченности.
Быть может, у нашего
современника, у граж-
данина Советской стра-
ны выработалось некое
шестое чувство, чув-
ство истории. И каждое
событие, каждую мысль,
каждое произведение
искусства мы пережи-
ваем и осмысливаем по-
новому, под влиянием
этого чувства. Мы уме-
ем не только обобщать,
но и обличать разно-
характерные и по су-
ществу далекие друг от
друга жизненные явле-
ния и события. Мы
чувствуем и научились
улавливать в них об-
щий и сокровенный
смысл.

Сидя в кресле зри-
тельного зала МХАТ, я
наслаждался не только
прекрасным по своей
чистоте и прозрачности
чеховским словом (хотя
и это доставляло мне
огромную, чуть ли не
физическую радость).
Меня окрыляло созна-
ние того, что мечтация
сестер Прозоровых и
несчастливого, скромно-

го Тузенбаха уже стали действитель-
ностью. И мне, видевшему спек-
такль, когда он впервые был поставлен
Художественным театром, довелось еще не
стариком (я себя таким ни в коем слу-
чае не считая) увидеть эту драму на
сцене того же театра, в той же Москве,
по уже социалистической, уже перестроен-
ной на новых, разумных, человеческих
основах жизни общества и отдельного че-
ловека. Ощущение былых историче-
ских надежд всегда потрясает сознание
человека, и я был потрясен.

Прекрасный человеческий труд, не чу-
давшийся мелким дел и «будней»,
стал делом каждого из нас, граждан Со-
ветской страны. Но какие великолепные,
потрясающие результаты дает этот осво-
божденный человеческий труд. Вот одно
из недавних событий, крупнейшее из тех,
которые советская медицина знает в на-
шем столетии. Я имею в виду открытие
московским профессором фармакологии
Мартинусом способом изготовления «сульфиди-
на», радикального средства для лечения
крупозного воспаления легких. В наиболее
культурных странах капиталистической
Европы — Германии, Франции, Англии —
коэффициент смертности от этой болезни
равен 36 процентам. У нас этот процент
ушел уже почти до нуля.

Так составляется то единое ощущение
— уверенности в будущем, непрерывного
торжества человеческого разума, — ко-
торое воодушевляет и волнует каждого из
нас. Мы — сыны славного поколения рус-
ских людей, которое под воздействием
великой партии Ленина — Сталина уча-
ствует в коммунистическом преобразовании
нашей родины. И мы знаем, что то, что
мы делаем сейчас для нашего народа, при-
несет огромную пользу и радость всему
человечеству.

Предчувствие новой большой войны,
сознание неизбежности этой войны гнет-
ели над Европой, давили ее, в особен-
ности в последние годы. Предвоенные на-
строения передались в публицистику и
литературу, и о будущей войне стала ска-
пливаться целая библиотека. Ввиду обилия
различных материалов и размышлений
о будущей войне был великий соблазн к
пачуртанию образа ожидаемой войны в
художественной форме. Но этот соблазн
увлек очень немногих. Описать войну
чрезвычайно трудно, не только войну бу-
дущего, но и войну прошлого времени. Че-
ловеческая память хранит два хороших
описания войны: «Илиаду» Гомера и «Вой-
ну и мир» Толстого. Читая греческую и
русскую «Илиаду», вы ощущаете и аро-
мат истории, и великую силу творческого
гения. Но тот же великий мастер худо-
жественного образа, Толстой, заметил в
своем романе, что «непосредственно уло-
вить и описать словом — описать жизнь
не только человечества, но одного на-
рода, представляется невозможным».

Перед современным романистом, набра-
сывающим свою фантазию будущей вой-
ны, как раз и стоит задача схватить в
своих образах жизнь человечества, так
как «большая война» — это мировая
война.

Было и другое препятствие для написа-
ния удачного романа о будущей войне.
Мысль западной интеллигенции находит-
ся в плену ложных и давно уже разрабо-
танных концепций об обществе, о дви-
жущих силах истории, подоплеке политиче-
ских конфликтов. Такие публицисты, как
например, Роберт Бриффо, написавший
книгу об упадке и разрушении Брита-
нской империи, все еще являются «белыми
воронами». Их склоны рассматри-
вать в лучшем случае, как парадоксаль-

ных людей. И в английских журналах и
во французских изданиях настойчиво про-
водилась мысль о том, что стоит только
разбить Германию, как снова возродится
идея XIX века, снова воскреснут
«старая веселая Англия» и «прекрасная
Франция». Мысль о том, что «идеалистиче-
ский» XIX век был только обширным
прологом к истории страшных войн
XX века, эта мысль или не приходила
в голову или ее старательно гнали прочь
и всячески затупевывали.

Типичным образчиком романов о буду-
щей войне может служить роман англи-
ского писателя «Фозер-Райта «Война
1938 года». Этот роман, как и его про-
должение «Четвертый для войны», хорошо
известно советскому читателю. Фозер-
Райт — не только романист, но и публици-
ст. Прочитав его романы о будущей
войне, можно даже сказать, что он не
столько романист, сколько публицист. На
самом деле, его роман чрезвычайно легко
переделать в публицистическую статью,
местами воспользовавшись даже цитатами
отрывками. Вспомните разговор лейтена-
нта Дюера и английского мисс в автомо-
биле, или беседу английского премьер-
министра и министра иностранных дел
Генстоуна накануне катастрофы. Это —
прямые выдержки из публицистический
статей. Поэтому в романе они кажутся не-
естественными, нехудожественными.

Фозер-Райт свои публицистические заку-
сочные статьи о будущей войне, а это по-
вело его к тому, что движущие
силы войны были сведены к дипломати-
ческим интригам. Но тот же Роберт Бриф-
фо убедительно показал, что современная
Англия серьезно готовилась к
борьбе и только по ста-
рой привычке брехала
своим излюбленным ору-
дием: «Запутанные
проекты, интриги, сто-
воры, обходные пути и
плутовские приемы ди-
пломатического маневри-
рования». За этой внеш-
ней оболочкой у Ан-
глии, как и у ее про-
тивников, стояли более
серьезные вещи.

В романах Фозер-
Райта Ирландия всту-
пает в войну с Германией
из-за того, что Германия
заставляет ее в кратчай-
ший срок покончить с
католической религией.
Это наивно, и не ме-
нее наивно то, что в том
же романе нападение на
Ирландию толкает США
к всеобщей мобилизации
и к объявлению войны.
Почему? «Огромная
часть американских гра-
ждан происходит из Ир-
ландии, и их политиче-
ское влияние еще более
велико, чем можно пред-
полагать, судя по их
численности». Америка
наблюдает войну, обна-
жив при этом свой меч, —
так пишет Фозер-
Райт, — но вряд ли
этот меч будет помыт
по поводу Дублина, до
сих пор сохраняющего
строгий нейтралитет. Силы,
движущие мечом
США, более сложны и
более интересны.

Нам думается, что
лучшим романом о буду-
щей войне все-таки оста-
ется старый роман
Герберта Уэллса «Борь-
ба миров». Роман Уэл-
лса был написан еще в
1898 году, залогом до
первой мировой войны.
Хотя Уэллс в этом рома-
не закладывает свои мысли
в совершенно фантасти-
ческую оболочку, стол-
пув маршан с людьми,
но тем не менее он сво-
ими образами как в
этом, так и в других
своих фантастических
романах говорит о со-
вершенно реальных ве-
щах.

В романе Уэллса Англия спасается от
нашествия врагов силами природы —
батериями земли, погубившими небесных
жителей. В романе Фозер-Райта оста-
ется «три минуты» до решения судьбы
Европы. Романист-публицист описал свой
запас до апаго. Публицист Роберт
Бриффо с достаточной смелостью отдер-
живает этот запас, но показывает апаго
совершенно другой драмы. Бриффо пишет
об империи-метеоре, он говорит: «Нет
никакой гарантии, что Англия может
«пробиться» в мире, где капитализм уже
больше не развивается и не процветает,
тем более, что самый этот мир уже дав-
но перестал быть чисто капиталистиче-
ским». Бриффо говорит, что обстановка,
в которой должна возникнуть новая боль-
шая война, создается «не из угрозы
одного определенного противника или кон-
курента, как это имело место перед (пер-
вой) мировой войной, — она возникает из
пелого комплекса условий. Англия борет-
ся и готовится к борьбе до последней ка-
пли крови, но не с каким-либо определен-
ным противником, не с какой-либо одной
соперничающей державой». Вот эта чрез-
вычайно важная и объясняющая мысль
осталась совершенно чуждой сознанию ро-
маниста Фозер-Райта, и поэтому его ро-
ман, несмотря на нагромождение многих
интересных деталей, все-таки остается в
своей основе приключенческим романом.
Современная же война всего менее похо-
жа на «приключение».

Уэллс с его талантливым описанием
эвакуации Лондона, лондонской паняки в
конце концов падит Англию и убивает
неприятеля батериями. Голые псы до-
еляют остатки врагов. Фозер-Райт оста-
вил свой роман без копировки, и в его
заключительных словах слышится неуве-
ренный тон надежды: «У них еще бы-
ло время. Судьба Европы все еще оста-
валась нерешенной». Приключенческий
роман всегда должен копаться с переесом
благополучных моментов, хотя бы и мало
весомых. Публицист же Бриффо говорит
не о конце войны, а о конце капитализ-
ма. Из его поля зрения выпала пробле-
ма возможности двух вариантов конца во-
оруженного столкновения в орбите капи-
тализма. Его внимание привлекает про-
блема столкновения двух идей — капи-
тализма и социализма. Из рукописи
Бриффо как бы пропала целая глава, как
раз такая глава, которая была бы особен-
но интересна в данный момент.

«Сколько тут тайн, — говорит один
из персонажей Уэллса, — удивительные
тайны. Эх, добраться до них только!»
Добраться до этих тайн можно только пу-
тями и методами передовой науки.

«КОЛЫМСКИЙ АЛЬМАНАХ»

ХАБАРОВСК (Наш. корр.). В Магдале
на Колыме в этом году начал выходить
литературно-художественный и краеведче-
ский «Колымский альманах». Выпуск пер-
вой книги альманаха явился знамени-
тельным событием, ибо это первый ли-
тературно-художественный сборник, изда-
нный в Колыме. Всего вышли две книги
альманаха, готовится к печати третья.

Книга первая «Колымского альманаха»
открывается стихотворением колхозницы
Ольского района Абрамовой «Сталину».
Поэзия в первой книге альманаха пред-
ставлена также стихотворением Смирнова
«У кремлевской стены», посвященным
Ленину, поэмой Зелинского о войне с
белофиннами, стихотворением Семина
«Уж лучше ты на Север приезжай», «Песней о
родине» Л. Северного, поэмой Саратовского
«Мартовская ночь». Рассказ Блиникова
«У истоков большой реки» знакомит
читателей с тяжелыми условиями работы
геологов дореволюционной России. В пер-
вой и второй книгах альманаха напеча-
таны интересные очерки геолога Царегар-
ского «На подступах к Колыме» и «По
неизвестным местам», рассказывающие об
условиях работы первых исследователей
Колымы, очерк врача Фомкина «В тубо-
вой тайге» и заключающий первую книгу
альманаха историко-этнографический очерк
научного сотрудника Охотско-колымского
музея Дидых «Юкогиры».

Во второй книге «Колымского альмана-
ха» интересен отдел фольклорной песни
эвенков — «О большой, явкой звезде»,
«Сончик», посвященные товарищу Сталину,
и сказки эвенков и корюков. Песни и
сказки обработаны Кривошеиным. Статья
Белова «Образ вождя в устном творчест-
ве народов Колымы» рассказывает о пе-
снях и сказках, посвященных любимому
другу всех народов товарищу Стали-
ну. Во втором номере напечатаны также
рассказ Львова «Эпизод», историческая
поэма Зелинского «Иван Ершов», сти-
хотворение Леонида Северного «Возвраще-
ние» и географический очерк Михайлова
«Атарган».

С. ШТЕРН

Б. В. ИОГАНСОН. «Ленин и Сталин в дни Октября в Смольном».

Виктор ФИНК

ЯЗЫК РЕВОЛЮЦИИ

На лекции по судебной психиатрии
проф. Деппа рассказал нам, как он один-
жды разоблачил одного человека, совер-
шившего убийство и симулировавшего умствен-
ное помешательство.

Дело обстояло так. Убийца был пойман
на месте преступления и тотчас доставлен
в дело Консерватор — центральный дом
предварительного заключения в Париже.
Здесь он сразу поведал себя странно: перес-
тал есть и пить, перестал разговаривать,
ничего, казалось, не слышал и не пони-
мал.

Судебный следователь склонялся к тому
мнению, что перед ним душевно-больной.
Правда, наш проф. Деппа, как опытный
психиатр, сразу заподозрил симуляцию, но
разоблачить ее оказалось делом нелегким.
Субъект не реагировал ни на какие
неожиданности. Он все время сидел, уста-
вив неподвижные, невнятные глаза в одну
точку, а когда выходил из оцепенения, то
бросался на людей. Он избил служителя,
вышел суп в лодку доктору, плюнул в на-
чалышка тюрьмы и т. д.

Из бумаг арестованного было видно, что
он — поляк, уроженец России. Профессор
сказал нам, что, открыв это обстоятель-
ство, он сразу почувствовал, что держит
в руках ключи.

— Я решил попробовать заговорить с
ним на его родном языке, — сказал он. —
Большой неожиданности с ним в париж-
ской тюрьме произошло не могло.

Профессор вошел в камеру. Арестован-
ный, по обыкновению, сидел, как камен-
ное изваяние.

— Я вошел и сразу же, с порога, заго-
ворил с ним по-русски.
Профессор взглянул в нашу сторону, —
нас сидело на лекции несколько студен-
тов-русских, — и процитировал:

— Бошый твара краини.

— И вот, — представьте себе, — тор-
жествующе сказал проф. Деппа, — мой
модельчик улыбнулся, он даже засмеял-
ся. Значит, он реагировал правильно, он
меня понимал.

Все вышло весело и забавно, и студенты
смеялись. Что касается нас, русских, то
мы держались за бока, так расхохотал нас
наш профессор своим русским языком.

А потом, когда мы вдоволь нахохота-
лись, нам сделалось обидно.
Проф. Деппа был ученый с европей-
ским именем, несомненно, он знал ино-
странные языки. Почему же по-русски он
знал только случайные три слова, как
можно знать три слова на языке племен-
ного банту, живущего в австралийской Афи-
не? Многочисленные русские ученые, при-
езжая в Париж, выступали в ученых об-
ществах и в университете с докладами и
лекциями на прекрасном французском
языке. Они, впрочем, свободно владели и
немецким, и английским языками. Почему
же французский ученый делал веселый и
демонстративный анекдот из своего незна-
ния русского языка?

Но наш добрый профессор Деппа не
представлял исключения. Кто в Европе
знал русский язык? Никому в голову не
шло изучать его. Незнание иностранными
русского языка носило характер какого-то
парочного гипнозирования. Они как бы
хотели сказать:

— А зачем нам ваш язык? Ваша
культура — слепок с нашей культуры.
Темой России предстояло стать колонией
просвещенных западных держав. Петр I

спас ее от этой печальной участи тем, что
силой толкнул ее на путь западноевропей-
ской цивилизации. Но что вы сделали та-
кого, чтобы мы, просвещенные иностран-
цы, ломали себе головы над изучением
ваших отсталых диалектов?..

Русский язык знал Карл Маркс, знал
его Проспер Мериме, быть может, еще
два-три выдающихся человека, да специа-
листы-филологи. Но если считанными вы-
дающимися людьми и специалистами остави-
ли в стороне, то все остальные, — я имею
в виду самые широкие слои образованной
интеллигенции Запада, — знали по-русски
не больше, чем проф. Деппа, все знания
которого ичерчивались словами: «бошый
твара краини».

Русская литература уже дала Толстого
и Достоевского, русская наука уже была
прославлена Менделеевым и Павловым, но
ни блеск литературы, ни глубина научных
достижений не могли поднять престиж
русского языка.

Бисмарк, который был не только послом
в Петербурге, но также владел землей в
Саратовской губернии, но был сторонником
прогрессивной политики, знал по-русски
одно лишь слово:

«Интешу».

Бисмарк считал это слово самым харак-
терным для русского языка, самым обем-
люющим, а главное — самым точным. Оно
было вытравлено на внутренней сторо-
не железного пертя, который он нико-
гда не снимал.

Престиж русского языка подняла ре-
волюция.

Когда во время войны в Испании мы
ехали в Мадрид на конгресс, мы задержа-
лись на несколько часов в приграничном
городке Портбу. Внезапно в ресторане, где
мы завтракали, появился скромно одетый
человек лет 33—35. Он хохля между сто-

ликами и спрашивал, где здесь приезжие
из России. Мы познакомились. Он был
испанцем, но сразу заговорил по-русски.
Не бог весть на каком чистом русском
языке, — но все же это был русский
язык. Фамилия человека — Базельс. Он
— каталонец, бывший рабочий, ныне
судья в городе Хероне, в тридцати кило-
метрах отсюда. Он изучил русский язык
дома. Прежде всего он хочет читать
Ленина и Сталина в оригинале. Он полу-
чает «Правду» и «Известия». Но самое
главное, — русский язык нужен ему для
работы: у себя в Хероне он — мировой
судья. Ему хочется знать законы, которые
были бы по-настоящему справедливы. Для
этого он перевод на свой язык все совет-
ское судебное законодательство и судит
свою каталонскую паству по советским
законам.

— Вы, вероятно, не знали, что где-то в
Каталонии, в древнем романском городе
Хероне, рядом с собором, построенным в
XI веке, сидит судья, который каждый раз
заглядывает в ваши законы и судит свою
паству по-советски?

Базельс смотрел на меня веселыми и
озорными глазами.

Нет, я не знал, что наш уголовный и
гражданский кодексы лежали на столе у
херонского судьи.

Будучи в Париже, я принял приглаше-
ние Ассоциации домов культуры вы-
ступить перед рабочей аудиторией с до-
кладом о культурной жизни СССР. Афиши о
том, что там-то выступит советский пи-
сатель, неизменно производили впечатле-
ние. Зал всегда бывал полон. Мне даже каже-
тся, что публика приходила не столько или
не только слушать, но еще и видеть живо-
го советского человека.

На одном заводе в Курбева меня бук-
вально заклидал вопросом. По окончании

доклада устроители повели меня осматри-
вать заводские общественные организации.
Библиотека помещалась вся целиком в од-
ном небольшом шкафике. Когда его
раскрыли, я увидел на створках дверей на
одной стороне портрет Сталина, на другой
— портрет Горького.

Я не заметил, как из-за колонны вышел
необыкновенно громадный негр. Он
подождал ко мне и, подавая руку, сказал:
— Здрас. Как ви поживаете?
Негр говорил по-русски!

Пусть это тоже была не бог весть какая
чистая речь, но это была речь русская.

— Хорошо поживаете, благодарю вас, —
ответил я, с трудом подавая замеша-
тельство, в которое меня повергла эта
неожиданная встреча. — А вы как по-
живаете?

Это была обчная формула приветствия
во Франции. Негр подтвердил, что он тоже
поживает очень хорошо, и спросил:

— Вы из Москва?

— Да, А вы?

— Я из Гваделупа.

«Не совсем сосед, — подумал я, —
но ничего!» — и спросил, где он научи-
лся по-русски. Кто-то из товарищей ответил
за него, что он изучает этот язык дома,
а когда я спросил его, зачем именно ему
понадобился русский язык, он ответил мне
просто, но многозначительно:

— Каждая рабочая должна учиться
русски языку.

Был поздний вечер, когда я возвращал-
ся обратно в Париж. Автобус понался
тряский, и я все время не мог сосредото-
чить память, чтобы собрать в стройный
ряд строки Маяковского, которые я читал
давно и только что видел не на бумаге,
а в образе живого человека. Я восстановил
их только ночью.

Вот они:
Да будь я
и негром преклонных годов,
и ты,
без унынья и лени,
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

Вот кого я видел на заводе в Курбе-
ва. Это был негр из Гваделупы, и он
изучал русский язык, потому что на нем
разговаривал Ленин.

Вот кого я видел на заводе в Курбе-
ва. Это был негр из Гваделупы, и он
изучал русский язык, потому что на нем
разговаривал Ленин.

Вот кого я видел на заводе в Курбе-
ва. Это был негр из Гваделупы, и он
изучал русский язык, потому что на нем
разговаривал Ленин.

Вот кого я видел на заводе в Курбе-
ва. Это был негр из Гваделупы, и он
изучал русский язык, потому что на нем
разговаривал Ленин.

АЙТЫС

Состязание народных акынов

Айтыс этот происходил в Алма-Ате на слете акынов Казахстана, посвященном 60-летию тов. Сталина. В состязании принимали участие народные акыны — Нурлыбек Баймуратов из Семипалатинской области и Нартай Бегжанов из Кызыл-Ордынской области.

НУРЛЫБЕК

Акыны, сегодня великий той,
На крыльях орлиных взлетайте ввысь,
Рождения Сталина день золотой
Прогласить песней акыны сошлись.

В честь Сталина, с именем славным вождя
Открыть состязанье я первым готов.
Чтоб песни звенели, к народу летя,
Развяжу я у песен сотни узлов.

Он — счастья вершина, он — солнце
К нему устремляются наши сердца.

Акыны, настала для песен пора,
Берите домбру, будем петь без конца.

Он, мыслью взлетая, как горный оред,
Через снежные горы нашел перевал,
И к истокам истоком народы привел,
Народом счастливую жизнь показал.

И жизнь золотую на тысячи лет
Сложил из камней драгоценных пород.
Пусть многие годы в сиянье побед
Наш Сталин и здравствует и живет!

Пусть струны рожочут, звенят серебром,
О Сталине петь без конца я готов.
Дайте для песни слова подборем,
Как шелк для узора из ярких цветов.

Домбру тебе в руки передаю,
Давно, как акын, ты известен, Нартай,
Пропой нам о Сталине песню свою.
Охотясь за словом, как сокол, взлетай!

НАРТАЙ

Ты имя назвал, и оно надо мной
Свернуло, как солнце над снегом вершин.
Услышав его, со всего страны
О счастье поет вдохновенно акын.

Столетний грядущих и прошлых дела
В такой короткий срок свершены.
Обильем и счастьем земля расцветала,
Теперь не узнаешь родной страны.

Вся жизнь наша сталинским словом жива,
И Сталин нам дал справедливый закон.
В сердцах у людей золотые слова
Написаны кровью для всех времен.

Акын в состязанье быстрее, чем скакун,
И в беге словесном неутомим,
На старости лет он, как юноша, юн,
Никто не утонит в песне за ним.

Акын, пусть могучие песни твои
Не будут народу забавой одной,
Ты жаждущих песней своей напои,
Люди сердца задевая струной!

Померимся песней с тобой, Нурлыбек,
И я, как и ты, в состязанье готов
Пускать мою песню в безудержный бег,
Называть жемчуг отборных слов.

Окончилось юности шумный базар,
И гонится старость за нами, близка,
Но буду я петь, как бы ни был я стар,
И к струнам все будет тянуться рука.

У песен моих не иссякнет запас,
Я с песней кочую, сблизившись с людьми.
Я песню окончу, все слушают нас,
Домбру, Нурлыбек, вместе с песней возьми.

• Мырза-шол — Голодная степь.
• Гулистан — цветущая страна.

Юрий ЯНОВСКИЙ

ИВАН

Иван, домовитый хозяин, вел меня по селу.

— Пожалуйте, товарищ дорогой, от души рад показать. Было тут всего, чтоб оно пелом стало. У вас тоже хлопот, видно, вдоволь. Посмотреть — какой вы седой! Тезка мой Иван, родом из Франков, всегда заезжал ко мне, когда путешествовал. Бывало, вломом с ним и ходим себе на охоту, — пусть легко ему вспоминается на том свете. Эх, кум Иван, — говорю, бывало, — выйдете ли из моего Янча человек? Он же крестник ваш, душой к вам привязан. Выйдет, выйдет человек, отвечает, бывало, кум Иван, — пусть растет на боже волю. Эх, легко сказать — пусть растет...

Иван отворачивался, прятал непрошенную слезу.

— Вот как акыты прилетят в марте, а снег еще лежит. Стоят они стайкой, ланка погрозит в талую землю, — мерзнут. Весна замешкалась — а они разве знали? Летели и летели — время, весна звала. Так и люди. Учуяли — весна улыбається, Красная Армия перешла кордон. Ну, и восстали против полков — село за селом, хата за хатой, хлоп за хлопом.

Поздоровался Гриць Гупайчук и пошел следом.

— Вот и вы, Гриць, будьте свидетелем, чтоб я гостю хоть вот стодолче не соврал. Войска того было каких-нибудь две с половиной сотни. Ой, что было! Бежали от ваших в Румынию, а по пути русские села жгли. Возное занялось, а за ним Гринчики, Бульбы. На рассвете и к нам нагрянули. И сразу по хатам — искали бедного хлопа. «Нех вигорить хлопство більшовицьке!»

К вам присоединился Семен Якимшич, пошел рядом.

— Вот и хозяйке Семеновой натворили беды. Только в хатах и на дворах никого уже не было. Скот не замкнут в загорок. Детей не слышно. Одни псы у ворот лают, не дают подступиться. А люди еще ночью в дивану в лес. Так обещание постановило. А тут охранять село осталось, может, пятнадцать мужиков. И Янч мой с ними. Как лев, мой Янч, как солнышко, веселый, богатырь ясный.

Иван громко выругался.

— Каждый взил в руки самонал, в торбу — патронов. Пусть поляки не думают, что украинцы — люди бедные. При-

НУРЛЫБЕК

Заданым любим ты меня испитай.
У песен моих полет не ослаб.
В степи изумрудной высокой Алтай
Плывет, как серебряный снежный корабль.

Богатствам Алтая не видно конца.
В Алтайских горах для народа клад.
И залежи золота, меди, свинца
Ущелья и скалы Алтая хранят.

Бурлив и стремителен бег Иртыша,
Таит он на каменном дне жемчуга,
Течет он в серебряной пене, спеша,
И мрамором блещет его берега.

Как лебедь белая, пароходы плывут.
Вверх самолеты целуют луну.
И в омутках рыбы привольный приют,
И птицы ныряют за пищей в волну.

Черна и обильна плодами земля,
Пасутся стада по зеленым лугам.
Как волны блестя, колысается поля,
Не молкнет по волеям птичий гам.

Алтай на подарки богатые щедр,
Богатствами славится с давних времен.
И сколько б ни брали сокровищ из недр,
Не будет Алтай оттого разорен.

Я слышал рассказы про Сыр-Дарью,
Я слышал — богат Сыр-Дарьинский край.
Пропой нам об этом песню свою,
Пропой нам реку Сыр-Дарью, Нартай.

НАРТАЙ

Я с детства сдружился с созвучьями слов,
И думы вынашивать в песнях привык,
И петь для народа всегда я готов,
Пока не отнялись рука и язык.

И буду я петь, не щадя своих сил,
Заветную песню сейчас я спою.
О том, кто пустыни для нас оросил,
Пустил по аркам реку Сыр-Дарью.

Теперь Сыр-Дарья, словно праздник наш,
Мне — петь, ей — шуметь полный голос дан.

Цветами разубран пустынный Балхаш,
И Мырза-шол¹ расцветала в Гулистан².

Голодную степь река Сыр-Дарья
Напоила водою мутной своей.
Не встретит там раньше ни птиц, ни зверья,
Теперь там озеро, приют лебедей.

С Есила до Сыр-Дарьи, словно смерч,
Бетпак-Дала разносил прах,
И звери, и птицы встречали смерть
От жажды под солнцем в горячих песках.

Но саван смерти пустыня сняла,
Открылся песков золотой сундук.
В садах расцветает Бетпак-Дала,
И ринулась к ней Сыр-Дарья, как друг,
Арки наполнены сладкой водой,
И в жалде земля напивается властью,
И сказочный город встает молодой,
И чует пустыня волшебную власть.

Вода Сыр-Дарьи вдохновляет меня,
Вода Сыр-Дарьи мне, как друг, дорога,
По струнам вода протекает, звеня,
И зернышки риса ее жемчуга.

Широким потоком я песни пролью,
Слова благодарности я подберу,
Тому, кто дарит нам и Сыр-Дарью,
И счастье, и песни, и эту домбру.

Перевод Мих. ЗЕНКЕВИЧА.

Б. ИОГАНСОН

КАКОЙ ТРУД ЛЕГЧЕ?

Весною, на выставке белорусских художников (в дни декады белорусского искусства), мое внимание было приковано к рисунку неизвестного мне живописца. Рисунок Ю. Краевского поразила меня необычайной выразительностью, тонкостью приема, взволнованно патетичностью содержания. «Крестьянка целует руку польского помещика», «Крестьянский бунт» и аналогичные по сюжетам работы художника возбуждали во мне рой новых идей — прежде всего о синтезе взволнованности мастера и остроты реалистичности, революционности его картин. Я получил о Бете Кольвице и ее серии незабываемых рисунков о крестьянских войнах. Но мне показалось, что мастерство Ю. Краевского совершеннее, законченней, художественно ценнее.

Летом я во время поездки на юг посетил один из наших крупнейших металлургических заводов. Моим вниманием завладела рабочей шихтовщик, стоявший у печи, внутри которой температура равнялась 2000 градусам. Размеренными движениями, не торопясь, он забрасывал лопатой шихту в раскрытую печь. Рабочий стоял без отговорок, так как они бы ему только мешали, с лица его струился пот, голова была закрыта мягкой войлочной шляпой. Меня заинтересовал ритм движений шихтовщика и самое выражение его лица. Было в нем что-то переплавляемое спокойное и в то же время предельно напряженное. Я долго наблюдал за его работой и сказал своим товарищам:

— Каким же легким кажется мне сейчас наш труд живописца по сравнению с этим печальным трудом доменщика. Ведь наш труд в мастерской — насколько же он спокойнее, чище и просто легче во всех смыслах этого слова.

Мои товарищи со мною согласились. Заглядевшись на работу у печи, мы и не заметили, как к нам подошел тот самый рабочий шихтовщик, который вызвал такую нашу острую заинтересованность. Стенноно уходясь и не повышая голоса, он обратился к нам:

— А вы кто, собственно, будете — инженеры, что ли?

— Нет, мы художники!

— Ах, художники! — ответил с выражением явно повышенного уважения рабочий.

И он рассказал нам, как печально, во время отпусков, он приезжал в Москву и посетил Третьяковскую галерею. Заключив рассказ о своих впечатлениях, рабочий заметил:

— Ну, и трудна же ваша работа! Ло чего у вас все тонко и точно написано. Прямо, как в жизни. Сколько ума, души, образования, а уже не говорю таланта, вы вкладываете в каждую свою картину. То ли дело у нас, у доменщиков. Наша работа по сравнению с вашей попроще, полегче.

Мы все были глубоко взволнованы педагантической репликой шихтовщика, мы были потрясены той правдой об одухотворенном труде, которую каждый из граждан советской страны вкладывает в свое дело и которую так непосредственно выразил наш случайный знакомый, рабочий-шихтовщик у доменной печи.

Еще перед началом нашего путешествия по Латгалии один из моих спутников сказал:

— Надо обязательно побывать у Марии Михайловны Фроловой, в деревне Шахманы. Не забыть бы.

И пока мы ехали по этому несчастному, пыльному краю Латвии, спутник то и дело напоминал: — Не забудьте заехать в Шахманы.

Сделав крюк в 120 километров, мы заехали в это знаменитое латгальское село. Солонечные крышечки, пыльная дорога, рудеет, желтеют березы, осеннее печальное небо над полями, над песчатым холмом, над пашней. Одинокая женщина распахивает склон холма, дождь, запрятанная в плуг, едет тапчет, устало плетется за плугом женщина.

Тышина.

На столбе желтая ленточка с латынскими названиями села «Шахманы». К избе Марии Михайловны машина не проходила. Полицейского изм пешком, мимо свегодольного поля.

Десять два женщины убирают свеклу. Среди них та, которая нам нужна. Мария Михайловна ничем не отличается от своих односельчан — широкое русское лицо, красная повязка на голове, мужская куртка на плечах.

Мой спутник подошел к ней.

— Идите в избу, — сказала Мария Михайловна, — я сейчас освобожусь. Надаку тут — и к вам.

Мы пошли.

— Она в селе жепорганизатор, — объяснил мне спутник. — Наказывает коллективную уборку свеклы. Тут кругом только и разговор о свеклах. Пока нет дождиков — работают свекла, партиями — то на одном поле, потом на другом. Но это тоже дается тяжело. Здесь это дело невдалеке, почти легендарное. Но ничего — попробовав один раз, в другой раз идет с охотой.

В избе Марии Михайловны на полу играли дети. Их было шестеро.

Портрет Сталина висел над радиоприемником.

В черной большой раме был заключен портрет мужички с крепко сжатыми

Встречи

С. МИХАЛКОВ

Самая интересная...

Звали его Петр Константинович. Это был всероссийский, остроумный человек, лет тридцати. Хирург. Сын хирурга и брат хирурга. Во время войны с Финляндией его мобилизовали и направили в полевую госпиталь.

Госпиталь Петра Константиновича находился в трех-четырёх часах езды от того, в котором работал отец. Но условия жизни были очень разные: сына могли убить или ранить каждый час, каждую минуту, отец же был вне опасности, в хороших охраняемом Ленинграде.

Писать домой было некогда, хотя Петр Константинович знал, как отец беспокоится о нем. Но у них был другой способ общения: рапаны. После первой помощи, оказанной на месте боя, Петр Константинович отправлял всех с полостными ранениями в госпиталь к отцу. Дата и подпись врача на личной карточке прибывшего бойца говорили, что в такой-то день и час его сын был жив.

Старый хирург вынимал из кармана фо-

тографию сына и спрашивал у раненого: — Этот врач оперировал вас в полевом госпитале?

И тогда он слышал несколько теплых слов о сыне.

Однажды в ленинградский госпиталь явился человек с фронта, в полной боевой форме.

— Что угодно, товарищ командир? — спросил старый хирург, не поднимая глаз от стола, за которым он сидел.

При первых же звуках голоса старик взглянул в лицо вошедшего. Он быстро поднялся и взволнованно обнял сына, приехавшего на несколько часов в Ленинград.

— Нойдем же к твоим ранам, — сказал старый хирург. — Я хотел бы показать тебе всех. Но все же кое-кого ты не найдешь...

— Неужели? Значит, я допустил ошибку? — Ты ни в чем не виноват. Ты не найдешь здесь только тех, которые... уже успели выздороветь.

Леонид СОЛОВЬЕВ

Веселая встреча

Этой осенью я охотился на Оке, далеко за Рязанью.

Однажды утром я возвращался с озера — злой, голодный, мокрый. Убил я на заре десятка уток, а взял только пять. Случилось это потому, что я хотя и старался быть на сухое, но стрелял плохо, неточно, утки падали у меня «с полета», на глубокую воду.

Я пересек болотистую низину, выбрался через кусты на дорогу, сел у стогов и начал переобуваться: собирая уток, я сильно зачерпнул; портянки и брюки ниже колен были пасмурно мокрыми.

Было свежо, ветерок тянул северный. Меня начало пробирать, я совсем прыгнул и уже подумывал вернуться в низину, в кусты, обеснувшись там у ошника. Но тут как раз затарахтела по жесткой дороге телега. Скоро она порывалась с моими стогами. В телеге сидел парень лет двадцати пяти и улыбался во весь рот.

— Здорово, охотник! — крикнул он мне, как старому приятелю, оставив лошадей, соскочил с телеги. Роту он был веселого, но очень широкий в груди, русский, весь какой-то ладный, чистый.

— Утег достался? — спросил он, указывая на мои портянки. — На-ка, выпей, обогрейся малость!

Не дожидаясь ответа, он вытаскил из кармана бутылку; из другого — жестяную кружку и завернутый в газету кусок хлеба. Он налил кружку, отломил хлеба и сунул мне в руку.

— А сам? — спросил я, видя, что он закуоривает бутылку, а хлеб укладывает в карман.

— А я не пью, — ответил парень. — Я к ней не имею привычки.

— Зачем же ты ешь с собой возишь, раз не имеешь привычки?

— Да так. Ехал в одном селе мимо кооперации. Вижу — дают. Ну, я и взял, чтобы не скудно было есть. Думаю — который человек со мною встретится — того угощу. Только я задалвал старика, думал наступит какой-нибудь встретится, а тут, видишь, охотник... Ну, это ничего,

я старика еще встречу, до дому, до Еловки, мне еще двенадцать километров ехать.

— Обожли, обожли, — горлопыто сказал я. — Ты все-таки объясни. Может быть, у тебя праздник нынче — свадьба или еще что?

— Какая свадьба, я уже три года женатый.

— Так зачем же ты угощаешь?..

— Вот чудак человек! Говорю — что бы ехать веселее! Кого, значит, на дороге встречу, того угощу. Ни-о, пошла!

Я сидел у стогов и думал об этом парне, и чем больше я о нем думал, тем веселее и теплее становилось у меня на сердце. А тут как раз и наволочь разошлась, выткнуло солнышко, синее небо, и вода кругом вся засияла — и на реке и на озерах. Скоро и портянки мои подсохли, я обудал, пошел к перевозу. Пока переждал Оку, я рассказал парочку, Матвею Ивановичу, старому моему приятелю, о встрече с веселым парнем.

— Шиль ты! — сказал Матвей Иванович с обидой и сожалением в голосе, — а меня вот не угостил. Это он за то, что я ему утром перевоз не сразу подал.

— Ты его знаешь, Матвей Иванович?

— Да как не знать. Еловский парень это — Петька Сипунов. С малодетства знаю.

— А с чего это он людей незнакомых угощает?

— А что ему не угощать? — ответил Матвей Иванович и взбурился рудевым веслом светло-зеленой воде. — У них, у еловских, в этом году по шесть кил зерновых из трудоселья пришлось, картошки по двенадцать кил, да еще там всякой мелочи. А он, Петька, — бригадир. У него у одного шестеро трудолов, да у жены, он говорил, двести. Ты посчитай, на сколько ему приходится.

Он, как из армии пришел, за три года новый дом поставил, патефон приобрел, тройку себе справил с жилетом, жене рубашку справил.

Матвей Иванович помолчал и добавил:

— Эх, как же это я ему не подал перевоза?

Мне ловили Москву и слушали советские слова. Вам уже рассказали о нашей деревне? Смейся нашего народа найти трудно. А жалдство его до всего советского? Невообразимая! Бывало, сидим, слушаем, и хоть бы кто кашлянул. Мне и агитировать людей не надо — слушаю и учусь, как надо жить, мозгу, что надо делать, чтобы завоевать такую жизнь. Так мы слушали Москву, может быть, с полгода, потом какая-то сволочь донесла полицейскому.

Вот накануне первого мая приезжал он ко мне. Поставил велосипед у завальи, выходит и идет прямо к радиоприемнику.

— Ты, Фролова, радиоприемник уберя от греха попользуй.

— Никак нет, — говорю, — господи полицейский, не уберу.

— Почему?

— Завтра, — говорю, — первое мая, будем слушать Москву.

— Ладно, — говорю, — если завтра у тебя в хате будет хоть один человек — всех посажу. И тебя тоже.

— Милости прошу, — говорю я и открываю ему дверь, до свиданья, мол, спасибо за посещение.

Он уехал. Ну, думаю, что бы сделать такое — чтобы и людей не подвести и послушать первомайское радио? И приду-мал.

Александр ТАИРОВ

«БУДЕТ»

ОЗНАЧАЕТ «ЕСТЬ»

19 октября прошлого года дальневосточный экспресс, с которым ехала труппа Камерного театра, подошла к вокзалу Хабаровска. 26 октября мы начали свои спектакли в Доме Красной Армии. 7 ноября утром, стоя на параде, я с восхищением и гордостью смотрел на героев Хасана и Халхин-Гола, слушал речь принимавшего парад генерала-полковника тов. Г. Штерна, следил за бесконечным строем сталинских соколов, паривших над городом и уносившихся в даль, за Амур, за сопки. А вечером, после торжественного заседания, мы играли для участников парада нашу «Оптимистическую». Итак, почти весь год прошел у нас под знаком работы для Красной Армии, для наших славных дальневосточников. Это была работа не только для Красной Армии, но и в ее недрах, в среде ее замечательных людей.

Что отличает наших дальневосточников? Это, раньше всего, большая собранность, сосредоточенность даже, пожалуй, замкнутость, своеобразным образом соединенная с громадным радушием, гостеприимством и широтой подлинных хозяев края. И — уверенность. Крепкая, молодая, горячая уверенность.

Я вспоминаю — Комсомольск. Товарищи, среди которых были и основатели города, поводят нас к берегу Амура. Чудесная река — могучая, широкая, полноводная. Зима. Мороз. Снег. Солнце. Радостный, ликующий пейзаж. Радостные, ликующие лица наших хозяев.

— Вот здесь — гранитная набережная. Камень наш, местный, — показывает один из них. — Здесь стадион, ахт-клуб, пристань.

Вы следите за его указаниями, за направлением его руки, — и видите, видите: и набережная, и стадион, и пристань... хотя ничего этого еще нет. Но то, что вы видели вопреку до этого, и твердая, хозяйская уверенность строителей настолько убедительны, что даже для людей без особенно пылкой фантазии стираются грани между «будет» и «есть». Ибо здесь, где в несколько лет, среди тайги и сопки, как по волшебству, возникают новые города с заводами, фабриками, замечательными жилыми корпусами, клубами, театрами — здесь, как и во всей нашей необъятной стране, твердое «будет» означает «есть».

Не в этом ли одно из важных отличий романтизма нашего, социалистического, от старого, буржуазного? Наша эпоха насыщена романтизмом, но наш романтизм исходит из жизненной правды, а рожденные им замыслы, словно в сказке, неотвратимо превращаются в прекрасную реальность в замечательные дела. В этом мне с новой силой еще раз довелось убедиться за истекший год моей жизни на Дальнем Востоке, и в этом одна из существеннейших причин, почему этот год останется для меня памятным надолго, навсегда!

Крестьянка из Латгалии

Николай ВИРТА

губами упрямым подбородком и высоким, упрямым лбом.

— Это ее муж. Он был коммунистом. Мой спутник помолчал. — В этой деревне почти все были коммунистами. Ульманис правил тут только на словах. Этой деревни айстри и полицейские боялись, как огня. В 1918 г. почти все мужчины этой деревни были в Красной Армии. Муж Марии Михайловны в те времена был пародным судьей. Ну, потом деревню хотели сжечь, всех жителей расстрелять, куда попало. Но проект этот почему-то вышанен не был. Все же многие арестовали, посадили надолго в тюрьмы. Муж Марии Михайловны тоже сидел. Умер он недавно. Он умер от разрыва сердца, когда узнал о приходе Красной Армии. Человек ждал этого часа двадцать лет. И умер от радости. Бывает и так.

Робятишки стояли вокруг нас, молчаливые, серьезные.

Их часто будили по ночам — приходили охранники с обысками. Тогда все в избе трещало — взламывались доски, ломались табуретки, столы, раздирались одеяла. Охранка искала коммунистические прокламации. И не находила. Охранники бегали от ярости, орали, били мать. Ребята стояли, как и сейчас, — молчаливые, серьезные. Они встали до сих пор только горе. Горе и шипеть.

Пришла Мария Михайловна. Так обрадовалась она нашему приезду! Человек из Москвы! Виданное ли дело!

— Кофе? Чай? Может быть, хотите кушать?

— Нет, мы хотели слушать рассказ Марии Михайловны и больше ничего.

— Что рассказывать, товарищ? О прошлом? Будь оно распрямлено! Его нет — туда ему и дорога! Вот видите — радиоприемник. Тут в округе радио было у кулаков. А я подумала как-то — почему бы мне не занять радиоприемник, это великая вещь, слушать, например, Москву. Что я делала, чтобы пакрести сорок лад залога — не скажу. Кушила, поставила. И вот вся деревня приходила ко мне

рошо, зато нам всем хорошо. Слышишь, как поют? Это Москва! Поезд, послушай!

— Я, — говорит, — посажу тебя в тюрьму на 6 месяцев.

— А хоть бы на двадцать шесть! Муж мой коммунист — сидит. Я коммунистка — сажаю. Меня посадили, у нас все деревня — коммунисты. Всех посадишь — новые появятся.

— И посажу! Всех посажу!

— Руки, — говорю, — коротки.

Он идет в радиоприемнику и хочет его выключить. Я ему говорю:

— Господи полицейский, если ты выключишь радио, я на все село кричу. У народа жизнь плохая, первый от этой жизни больше, они тебя на ключья разорвут. Да еще, не дай бог, вдруг отряд коммунистов нагрянет — а у тебя дети! Вымещайся, пока цел.

У полицейского руки дрожат, лоб в испарине, мечется по избе и не знает, что ему делать. А надо сказать, что «коммунистические отряды» они были хуже ада. Удивительное дело, до чего был труслив этот народ.

Выглянул полицейский в окно, осмотрелся, и в дверь, да на велосипед, да только мы его и видели.

Так мы и слушали радио до самого прихода Красной Армии. А тут у меня случилось горе — умер муж. И в тот же вечер перевернул лампочки у приемника. Отработали свое.

Перестройка в Союзе советских писателей

Тут всё, как встарь. Уныло. Сонно. Тихо. Течет бумаж солидная река...

Опять нехорошо...

Литературное сиятельное вече С трибуны сообщало нам всегда...

Не тот способ решения

На одном заседании президиума обсудили книги Асеева, Шкловского, Кассия...

«Воспоминание есть злодеяние»

Я, писатель Лев Никулин, всю жизнь был убежден, что «жизнь есть деяние».

Как я встречался с Тимирязевым

Климент Аркадьевич Тимирязев я знал давно. Я читал его книги, видел его имя на афишах...

Затянувшаяся повесть

Однажды с фронта шел солдат. И каждый был солдату рад. Но вот узрел его писатель...

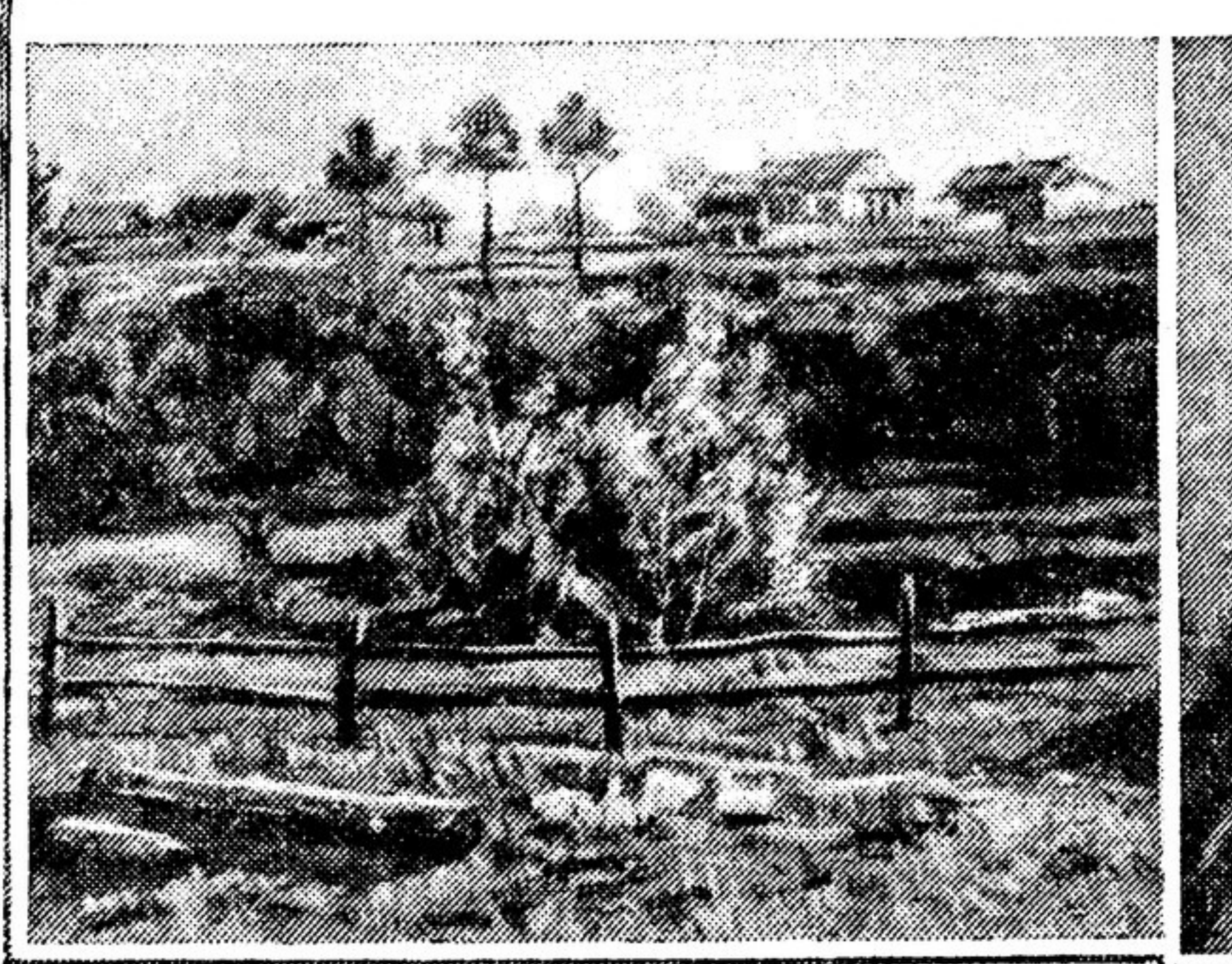
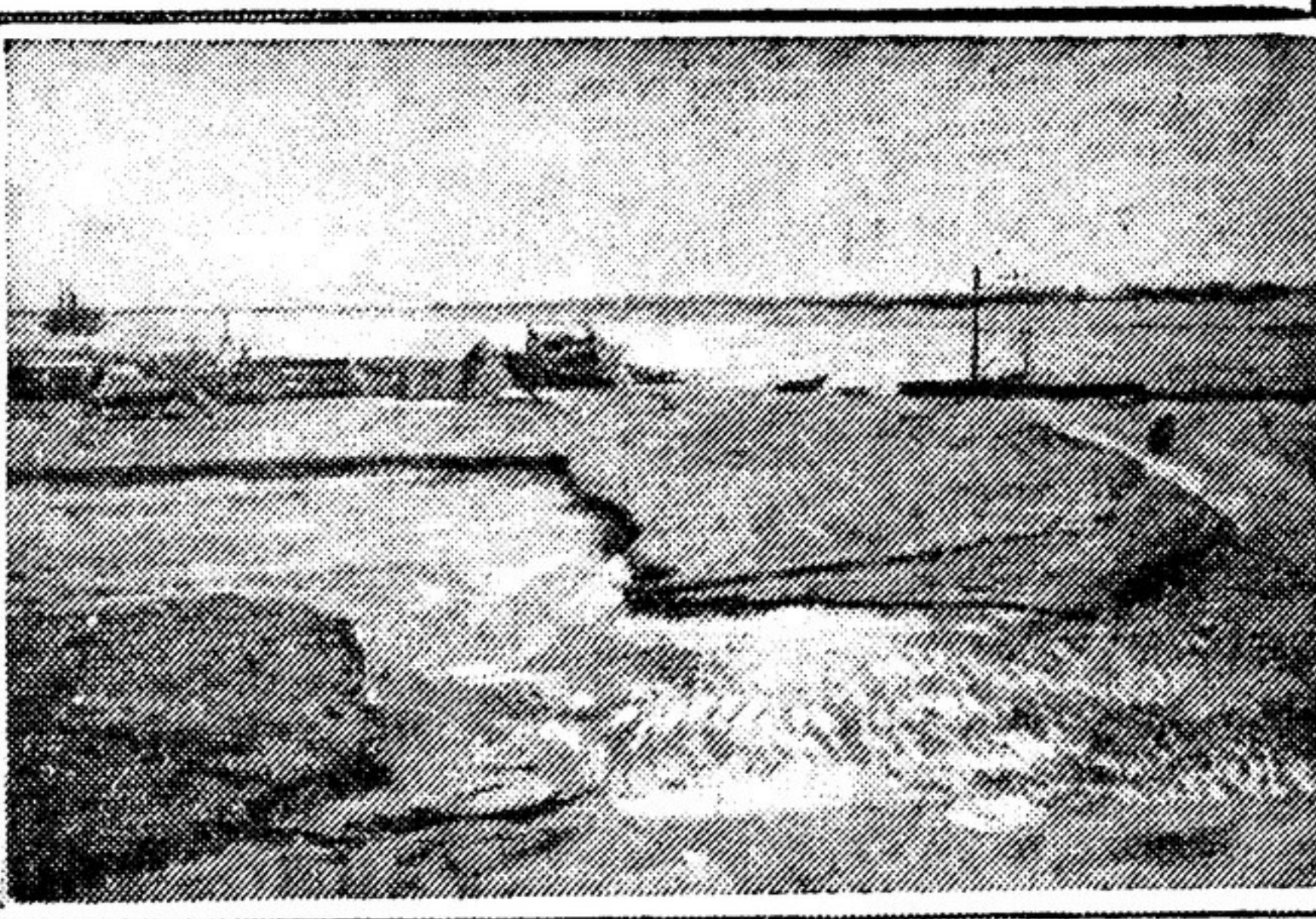
Великое открытие

Проблемы авторства пред нами встали снова. Ведь нам-то, грешным, было невдомек...

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

В выставочном зале «Всенохудожник» открылась выставка рисунков и живописи художников Л. И. Аронова...

АКТИВИСТЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

15 декабря грядущие западных областей Советской Белоруссии избирают своих депутатов в местные советы.

Львов. (Наш корр.). Писатели Львова принимают активное участие в избирательной кампании.

ПОДГОТОВКА К СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ ЛИТОВСКОЙ ССР

Как сообщает вильнюсская «Новая жизнь», писатели Литвы готовятся к первому съезду, который объединит литовских литераторов...

Крупнейший литовский писатель Петрас Пирка подготовил к печати исправленное издание своего романа «Земля-кормилица»...

В ЧЕСТЬ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ АВТОНОМИИ ДАГЕСТАНА

МАХАЧ-КАЛА. (Наш корр.). В этом году читатели многонационального Дагестана получили большую по количеству литературу на родных языках.

В ближайшее время выйдут на основных языках народов Дагестана стихи Лермонтова, Коста Хетагурова и Джамбула...

Издаются книги стихов талантливого дагестанского поэта Омаршаева, дагестинского Таира, аварского — Загила Гаджиева...

Большим событием в дагестанской литературе является издание альманахов на татском, лезгинском, даргинском, кумыкском, аварском и лакском языках.

ПО СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

ИЗ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ И ОТ НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

СИМФЕРОПОЛЬ. К двадцатилетию освобождения Крыма от белогвардейских и интервентских войск вышел сборник произведений крымско-татарских писателей на русском языке.

В сборнике помещены отрывки из первой части романа Ю. Болат «Алим», рассказы М. Дигаба «Таш-луду», «В далеком селе»...

Одновременно вышел сборник произведений на татарском языке «Заблудившийся в степях» Э. Мухамедова.

Хороший подарок получили дети. На основных дагестанских языках изданы красочно иллюстрированные книжки «Мой дом» К. Чуковского...

ОДЕССА.

В Доме ученых отарыта «Комната Ивана Франко», в которой писатели и научные работники будут знакомить посетителей с творчеством классика украинской литературы.

ХАРЬКОВ. Открылось отделение издательства «Радиосвязь писем». К редакционной работе привлечены писатели.

А. Шмигельский

История советской литературы

Редакция «Истории советской литературы» выступила с отчетом о своей работе перед собранием отделения языка и литературы Академии наук СССР.

Крупнейший и центральный раздел первого тома «Истории» состоит из трех частей. Первая — о литературе периода военного коммунизма — написана К. Зелинским...

Кроме того, в первый том войдут вступительная статья об освоении классического наследства, большая работа о творчестве и роли Горького в советский период...

Участники обсуждения были поставлены в нелегкое положение, так как никто из них не имел возможности заранее ознакомиться не только со всем материалом, но и с прочтанными главами.

Тем не менее чтение дало повод для серьезных критических замечаний, важность которых признана была и докладчиками.

Д. М. ТРУНОВ.

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ ПУШКИНА ИЗ ПОЭМЫ «ВАДИМ»

Неоконченная поэма Пушкина «Вадим» была напечатана впервые в № 17 журнала «Московский вестник» за 1827 г. под заглавием «Отрывок неоконченной поэмы».

27 ноября того же года А. Н. Муравьев (писатель по религиозным вопросам) писал издателю «Московского вестника» М. П. Погодину:

«В последнем номере Вестника я читал прекраснейший отрывок Пушкина из Вадима: хотя я его и прежде знал, но здесь прочел снова с большим удовольствием, жалею зачем вы не поместили двадцати последних стихов, где старик прощается с юношей, желая ему всяких благополучий, и говорит, чтобы невеста его встретила с улыбкой и слезами...»

«Выражение прелестное, и которое прекрасно бы охватило сей отрывок, по моему мнению один из лучших творений Пушкина; желал бы я прочесть всю поэму, которой сюжет занимателен и пользуется поэзией» («Литературное наследство» № 16—18, М. 1934 г., стр. 636).

Конец поэмы, о котором писал Муравьев Погодину, нам теперь известен. Рукописный список пушкинской поэмы «Вадим», присланный на-днях Смоленским областным архивом по просьбе Государственного музея А. С. Пушкина в его рукописный сектор, содержит в себе и последние стихи поэмы «Вадим» в количестве 33, а не 20 стихов, как писал Муравьев.

«Прелестное выражение» по определению Муравьева пушкинского стиха «с улыбкой и слезами» передано в списке следующими стихами:

Да встретит юная супруга Тебя в веселье [и слезах...]

Литературная газета № 55

в другой редакции или знаком был с другим ее списком.

Мы печатаем окончание поэмы со строки, на которой она обрывается в известных нам до сих пор публикациях:

И рассветло, но славянину Еще на мшистом камне дремлет, Пылает гневом гордый лик И сонный движется язык.

Тихоно юношу старик Ногой толкает осторожной И улетаёт призрак ложный С его главы; — он встает И видит солнечный восход, Прощаясь, рыбку седому Со златом руку подает.

Попутный ветер тебя зовет, Мечти, — теперь тиха пучина, Ступай, а я — мне путь иной. Старик с веселою душой Благословляет славянина: «Да сохрани тебя Перун Родитель бури, царь полнощной, И Святovid и Ларо мощной, Будь здрав до гроба, долго юн, Да встретит юная супруга Тебя в веселье [и слезах Да выпьешь мед из чаши друга, А недруга искринишь в прах, Потом со мной и челну сходи И влажный узел развяжи; Наудася парус, победая, Но старец долго глаз не сводит С крутых прибрежистых вершин! Венчаных темными лесами, Ну да умь быстрыми шагами Сорылся юный славянин»

Полученный музеем список содержит кроме того:

1) Пять неизвестных стихов, которые печатаем в следующем контексте:

Но юноша, на перси руки Залучившею сложив крестом. Сияет с нахмуренным челом. Уста невнятные шепчут звуки, Предмет великой, ровной Немыше чувства в нем обмелет Он в мыслях видит край иной Он тайному призыву вымлет Проходит ночь, огонь погас...

2) Несколько разрозненных с печатным текстом как академического, так и других изданий: На берег темный и крутой (На берег дикий и крутой — акад. изд.); И пламя яркое пиров (И пламя яркое костров — акад. изд.); И вот высокая светлица (И вот веселая светлица — альманах «Памятник отечественных муз на 1827 г.», стр. 253) и т. д.

3) Двадцать пять стихов, напечатанных в альманахе «Памятник отечественных муз на 1827 г.» под заглавием «Сон» (отрывок из новгородской повести «Вадим»), по ее восточной части поэмы «Вадим», напечатанную в № 17 «Московского вестника», и в издании стихотворений Пушкина 1829 г. (СПб., ч. I).

В IV томе академического издания 1937 г. эти 25 стихов, с сожалением, также не вошли в окончательную редакцию поэмы, а помещены в отделе вариантов в виду «сомнительности публикации» Альманаха и двукратного повторения Пушкиным текста без этого эпизода (т. е. ватерного сна Вадима). (С. Бонди: «На материале редакции академического издания Пушкина». «Временник Пушкинской комиссии». М.—Л. 1936 г., № 2, стр. 460).

Таким образом, можно предполагать, что найденный список является первой полной редакцией «первой песни» «Вадима», о которой 13 апреля 1824 г. писал де-

кабрист П. А. Муханов декабристу К. Ф. Рылеву:

«У меня есть начало Разбойников и первая песня Вадима; прислал бы тебе, но автор их назначил к истреблению и поэтому не хотел, чтобы ходили по рукам и даже говорили об оных. Но зная твою аккуратность, может быть согласишься, я буду убежденно в сохранении их в тайне» (Полн. собр. соч. К. Ф. Рылева, т. II, стр. 170. «Библиотека декабристов» под ред. Г. Валцгофа).

Черновой рукописи «Вадима» не сохранилось. Пушкин привез в исполнение свое намерение «истребить» вместе с поэмой «Разбойники» и «Вадима». Об этом свидетельствует его черновая рабочая тетрадь (№ 2366), хранящаяся в Государственном музее А. С. Пушкина с остатками вырванных листов, на которых сохранились фрагменты текста — отдельные слова или части слов поэмы «Вадим».

Список поэмы найден в Смоленском областном архиве, в фонде князей Урусовых: Михаила Александровича и его жены Екатерины Петровны (рожденной Энгельгардт).

Сказание о «Вадиме», источник которого восходит к краткому летописному известию о борьбе вольных новгородцев во главе с «Вадимом храбрым» с Юриком, служило темой для многих наших писателей с конца XVIII века: Екатерины II («Историческое представление из жизни Юрика», 1786 г.), княгини («Вадим», 1789 г.; издание было уничтожено по приказу Екатерины II за республиканские речи героев), Хераскова (стихотворная повесть «Нарь или спасенный Новгород», 1800), Карамзина («Марфа Посадница», 1803 г.), Жуковского («Вадим Новгородский», 1803 г.) и др.

В 1822 г. в момент усиленных занятий Пушкина историческими сюжетами (поэтом была написана «Песнь о вешем Олеге», собралась матернал «Мстислава» и др.), внимание поэта привлекает и сказание о Вадиме.

До нас дошли три работы Пушкина над этой темой: план пятнадцатой трагедии, стихотворный отрывок в форме диалога, отрывок поэмы. Они свидетельствуют о том, что в работе над «Вадимом» Пушкин колебался в выборе жанра.

Список «Вадима» из фонда Урусовых относится к работе Пушкина в последнем жанре.

Не трудно угадать, почему работу над «Вадимом» Пушкин оставил не только не законченной, но и подверг ее «истреблению».

Дошедший до нас отрывок «Вадима» в форме диалога со стихами — Ты видел Новгород, ты слышал глас народа Жива ль в их памяти славянская свобода, — не оставляет сомнения в том, что задуманный в таком плане «Вадим» не прошел бы через цензурные условия, а распространение поэмы в списках могло бы сильно повредить опальному поэту, находившемуся в то время на юге России, в ссылке.

В зарисовке образа Вадима нельзя не отметить глубоко прочувствованных национальных настроений поэта:

На нем одежда славянина И на беге славянский меч Славян вот очи голубые Вот их и волосы златые Волнами падшие до плеч

Другие грезы и мечты Волнуют сердце славянина Пред ним славянская дружина Он узнает ее шты.

Находка, повидимому, полного списка первой песни поэмы «Вадим», оставшейся неизвестной 113 лет, является ценнейшим вкладом в творческую сокровищницу поэта.

О. ПОПОВА, старший научный сотрудник Государственного музея А. С. Пушкина.

Редакционная коллегия: В. ВИШНЕВСКИЙ, А. КУЛАГИН (отв. редактор), В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, М. ЛИОШИЦ, Е. ПЕТРОВ, Н. ПОГОДИН, А. ФАДЕЕВ.

В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 23-й ГОДОВЩИНЫ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И МОСКОВСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ ОБЪЯВЛЯЮТ КОНКУРС

НА СОЗДАНИЕ МАССОВОЙ ОБОРОННОЙ ПЕСНИ. УСЛОВИЯ КОНКУРСА:

- 1. В конкурсе могут принимать участие все желающие. 2. Песни представляются в законченном виде (текст и музыка вместе). 3. Песни должны быть высокохудожественными в отношении музыки и текста, целесообразными по содержанию, отражающими нашу героическую эпоху, советский патриотизм, героизм Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота.

4. Представленные произведения должны иметь только девиз, а фамилии в адресе авторов прилагаются в закрытом конверте под тем же девизом. 5. Последний срок представления песен 15 декабря 1949 г. по адресу: Москва, Невский пр., 14, Музгиз, на «Конкурс оборонной песни». 6. Решение жюри является окончательным. 7. Для премирования лучших песен устанавливаются:

- Одна первая ПРЕМИЯ 6.000 руб. Два вторые ПРЕМИИ по 4.000 руб. Три третьих ПРЕМИИ по 3.000 руб. 8. Каждая премия делится поровну между автором музыки и автором текста.

ЛИТФОНД СССР ДОВОДИТ ДО СВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ, ЧТО ДОМ ТВОРЧЕСТВА ИМ. СЕРАФИМОВИЧА (Малеяка) ПО ОКОНЧАНИИ РЕМОНТА ОТКРЫВАЕТСЯ С 15 НОЯБРЯ ЦЕНЫ НА ПУТЕВКИ ПРЕЖНИЕ.